

Татьяна Денисова

Без названия

Книга 2

Татьяна Анатольевна Денисова

Без названия. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63980066

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98547-6

Аннотация

Продолжение 1 части романа, в которой повествуется о дальнейшей жизни персонажей. На сцену жизни выходят новые герои. Снова непростые испытания. Кто останется верным слову? вере? чести? любви? Прочитав 2 книгу, узнаете ответы на вопросы.

Содержание

Часть 1	4
Задолго до смерти	4
Часть 2	23
Рихард	23
Глава 1	23
Глава 2	48
Глава 3	85
Часть 3	100
Иля	100
Часть 4	115
Магда	115
Глава 1	115
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Татьяна Денисова

Без названия. Книга 2

Часть 1

Задолго до смерти

Наташа, войдя в дом, почувствовала запах любимых блинчиков. Не раздумывая ни секунды, бросила чемодан с вещами у двери и направилась на кухню.

– Привет! – Ритус стоял у плиты.

– Черт! Знаешь, чем меня можно соблазнить.

Наташа села к столу, где стояла тарелка с блинцами.

– Ты хотя бы руки вымой, – предложил ей новоиспеченный муж.

– Ага, а ты тем временем слопаешь все, – ее возмущению не было границ.

– До этого момента не съел.

– Да? Ну, ладно...

Они сидели на полу в гостиной и пили шампанское с блинчиками. Кому какое дело, что так нельзя. Пошли все ... одним словом, чрезвычайно далеко...

– Слушай, я только поняла, что впервые у тебя дома, – Наташа округлила глаза. – Невероятно, не правда ли?

– Да, пожалуй, ты единственный человек среди наших, кто не был у меня, – невольно усмехнулся Ритус.

– Рояль. Это для детей?

– Отчасти.

– Это как? – не поняла Наташа.

– Я могу сыграть на нем «Мурку».

– И только? Я думала, что-нибудь этакое. Не знаю, Шопена, Баха.

– У тебя такие глубокие познания в музыке, – Ритус подтрунивал над женщиной.

– А ты думал, что я читаю по слогам, а считаю по пальцам.

– Не знаю, как насчет чтения, считаешь ты обычно по ребрам. Я не прав?

– Не умничай, шампанское налей.

– Мы выпили две бутылки.

– Тебе жалко третью? Вот уж не думала, что вышла замуж за жмота. Теперь понятно, почему ты не предложил отпраздновать это событие в ресторане.

– Экономлю. Представляю, сколько ты съела бы там еды...

Ритус смеялся. Наташа стукнула его по плечу. Она и сама не хотела афишировать их отношения, да какие это отношения – фиктивность, но предложить все-таки мог бы.

– У тебя прикольно. Ты сказал ребятам?

– Повесил объявление на двери кабинета.

Наташа поперхнулась шампанским.

– Не поняла.

– Написал объявление, повесил на двери своего кабинета, – повторил Ритус как ни в чем не бывало. Он чистил мандарин.

– Объявление о чем?

– Чтобы меня в течение трех дней, как, впрочем, и тебя никто ни под каким предлогом не беспокоил, так как мы решили пожениться и у нас медовые отгула.

– Отгула?

– Да.

– Объявление?

– Да.

– Врешь?

– Нет.

– Ты псих?

– Не совсем в этом уверен.

Наташа молча налила себе бокал шампанского и залпом выпила его. Ладно, Черт с ним: она беспокоилась, как ребятаотреагируют. Теперь весь ЭСВ хохочет...

– Покажешь дом?

Ритус неопределенно пожал плечами: если хочешь. Наташа хотела не особенно, но все какое-то занятие. Они поднялись на второй этаж. Ритус показал комнату Сережи, гостевую, библиотеку.

– Ты все это прочитал? – спросила Наташа, указывая на

книги.

– Да.

– Интересно, когда?

– Ночами.

– Бессонница?

– Бывает и такое, – неопределенно ответил Ритус.

– Где ты спишь?

Ритус открыл в библиотеке дверь, которую женщина сначала не заметила – ее нелегко было заметить: драпировка под книги. Наташа не думала, что спальня будет настолько шикарной, а кровать-то кровать. Одна дверь вела в коридор, другая в ванну.

– Не знала, что ты любишь комфорт.

– Вообще-то, это не для меня. Мне мягкая постель противопоказана.

– А для кого?

– Другого человека, кроме тебя, я здесь не наблюдаю.

– Ты купил новую мебель?

– Тебе могло не понравиться спать на кровати моей бывшей жены.

– Да мне в принципе и кушетки достаточно, – Наташа пожала плечами.

– За вещами сходишь сама или мне спуститься?

– Спустись ты.

Наташа оглядывалась по сторонам. Красиво, но не вычурно, скорее даже уютно. Она открывала и закрывала шкафы,

тумбочки, ящики стола, словно пыталась что-то найти в них. Ничего. Странно. Почему нет его вещей, предметов? Заглянула в ванну: его вещи отсутствовали. Класс! Ритус занес чемодан.

– Это все?

– Да, – Наташа пожала плечами: зачем обременять себя лишними шмотками.

– У тебя кроме формы есть одежда?

– Да. Джинсы, пара футболок, свитер. Почему спрашиваешь?

– Ты пришла в форменных брюках и рубашке... Значит, мне не придется одалживать тебе свои вещи.

– Зубную щетку я принесла свою.

– Замечательно, как раз подумал о ней... Не буду тебе мешать. Осматривайся, располагайся. Хочешь, походи по дому, хочешь, посмотри телевизор. Не знаю, что еще предложить. Если что – бар здесь. – Ритус указал на бар в шкафу.

– Да, пожалуй, это самое главное.

Ритус развел руками.

– Я ухожу.

– Куда?

– Туда, – Ритус показал на дверь в библиотеку. – Хорошего вечера.

Дверь закрылась. Наташа все также стояла посреди комнаты. Странно. Откуда эта скованность? Впервые, находясь с ним, она чувствовала себя не в своей тарелке. Это ведь

тот Ритус, которому она могла сказать все, что угодно, и сделать при котором могла тоже, что угодно. Он обычно такой смешной. Сегодня шутки урезались в разы: ничего толком не объяснил. Вообще-то, она рассчитывала, что этот вечер они проведут вместе. Нет, не ужин при свечах. Это в духе Ярослава, который, наверное, произнес бы какой-нибудь красивый тост, предложил бы надеть платье, подарил кольцо. Не то что Наташа оказалась разочарованной, но это совсем не то, что она ожидала, даже отдаленно. Не формат. У нее был с собой чемодан, в который вошли все ее пожитки за годы службы в ЭСВ. Уходя от Ярослава, она не взяла ничего, кроме зубной щетки. Теперь она принесла немногие, но только свои вещи. Он же предоставил возможность начать жизнь с чистого листа, поэтому и купил новую мебель, поэтому убрал свои вещи, переселившись в другую комнату. Мог бы скромнее, впрочем, – она не гурманка и не разбирается, из какого материала сделан этот гарнитур.

Наташа разложила вещи. Достала белье – купила несколько комплектов, так на всякий случай. Усмехнувшись про себя, отправилась в душ. Интересно, она, правда, думала о каком-то всяком случае. Черт! Он даже не обнял, не говоря о том, чтобы поцеловать. Да, разумеется, она двинула бы ему по губам, а может, и нет. Интересно, а как он целуется? Ей может понравиться? Наташа включила холодный душ. Что за чертовщина, в самом деле? У них договор: она избавляет его от приставаний со стороны всего женского пола зем-

ного шарика, он – дает ей полную свободу. О таком можно только мечтать. Союз ничем не обязанных друг другу людей или слишком обязанных. Она опять задумалась. Интересно, а какой он любовник? Ледяной душ не помог. Наташа наскоро высушила волосы и в чем была – трусиках и майке – отправилась в библиотеку. Открыв дверь, опешила.

Ритус как ни в чем не бывало сидел за столом и читал книгу. Рядом стояла рюмка, скорее всего, с коньяком. Его что – совершенно не волнуют женщины? Она все-таки, несмотря на свою катаклизмность, тоже женщина.

– Просвещаешься? – она подошла к столу и села на край.

– Да.

– Наверное, что-нибудь умное. Скажем, Шекспир?

– Приблизительно.

– Не против? – Наташа отпила из его рюмки.

– Можно подумать, если я буду против, ты не тронешь мой коньяк.

– Так все-таки коньяк?

– Да.

Ритус смотрел на Наташу спокойно, как будто ничего особенно не видел.

– Черт! Ритус, ты порядочная скотина! – взвилась Наташа.

– Так порядочная или скотина? – уточнил он, улыбаясь.

– Трижды скотина! Ты должен был, ну, не знаю, соблазнить меня...

– И получить кулаком в челюсть? У меня сейчас весьма

пропорциональные челюсти, вряд ли стоит их поправлять...

– Я не о том. Подумаешь, испугался за свою физиономию.

Раньше ты не боялся.

– Я не умею соблазнять, Наташа, – перебил ее Ритус.

– А я, по-твоему, умею? – вырвалось у нее. – У меня давно не было мужчины. В принципе я не против...

– Теоретически или практически? – серьезно спросил Ритус.

– Что?

– Прости. Правда, прости. Я несу чушь.

Ритус поднялся из-за стола, взял Наташу на руки. Она растерялась, но обхватила его за шею. Он отнес ее в комнату, уложил на кровать.

– Только не переживай, если расстрою тебя. Любовник из меня никудышный.

– С чего ты взял?

Ритус промолчал. Он осторожно водил пальцем по рукам, шее женщины и ничего более.

– На спине порисуешь?

– Да.

Когда она, расслабленная, умиротворенная, задремала, он впервые коснулся ее тела губами, вдыхая запах ее волос. Чтобы добиться этого, ему потребовалось без малого четырнадцать лет. Он не жалел. Вряд ли тогда у них что-нибудь получилось. Надо быть осторожнее и теперь: она пока не знает, что он любит ее...

Наташа спустилась вниз, Ритус готовил завтрак. Она села за стол, не поздоровавшись. На тосты внимания не обратила, как и на кофе.

– Знаешь, мне всю ночь снилось, как меня целуют.

– Неужели? – Ритус сделал удивленный вид, будто для него это было новостью.

– Черт, Ритус! я хочу секса! – взвилась Наташа.

Он встал и смахнул все со стола. Звон разбитой посуды недолго стоял в ушах Наташи, потому что времени на раздумья он ей не оставил.

На следующее утро она проснулась опять в гордом одиночестве. Снова взбешенная – он ей соврал – кинулась вниз. Неизвестно какими ругательствами она разразилась бы на этот раз, но за столом сидел Сережа – младший сын Ритуса. Он спокойно посмотрел на разъяренную женщину и поздоровался. Наташе ничего не оставалось делать, как поздороваться с мальчиком и приняться за завтрак. Все утро Ритус делал вид, что не замечает взглядов жены. Он точно знал, что вчера и сегодня ночью ей было хорошо, очень хорошо. Она откликалась на все его ласки бурно, непредсказуемо. Он только приветствовал. Для нее, конечно, стало шоком, каким любовником он оказался. Она обязательно отомстит ему.

Наташа уехала в армию с твердым намерением придумать мужу незабываемые пытки. Он будет просить пощады. В полдень она позвонила и с издевкой спросила, будет ли занят ее муж.

– Сына не будет, если тебя интересует именно этот вопрос.

Она повесила трубку. Ритус пожал плечами: зачем расстраивать ее планы. То, что она придумывает ему кару, и так ясно.

Наташа не стала разуваться, закричала с порога:

– Где ты, урод?

– Кого ты имеешь в виду? – Ритус стоял в дверях между комнатами.

– Сволочь, ты мне соврал! – она накинулась на него с кулаками. – Ты сказал, что плохой любовник!!!

Она втолкнула его в комнату, намереваясь продолжить свое занятие – побить мужа. Он не сопротивлялся. Черт! Что-то не так. Наташа застыла с поднятым кулаком и перекошенным лицом, не меняя позы, огляделась, насколько возможно. Люди. Бланки. Женщина незнакомая! Наташа продолжила движение кулака, но Ритус перехватил его:

– Давай, ты позже продолжишь знакомство с моим лицом.

Он крепко держал ее руку, не давая возможности выхватить ее. Она, конечно, могла бы врезать ему между ног. Ритус, как, впрочем, и остальные присутствующие, подумали о том же самом.

– И этим позже займешься.

– Урод!

Наташа резко повернулась к гостям. Мужскую половину она знала, женскую – нет.

– Это моя жена – Наталья Владимировна Воропаева, –

представил Ритус. – Со многими моими родственниками ты уже знакома. Это мама – Светлана Юрьевна Бланки.

– Здравствуйте, – сказала Наташа. – Я не рассчитывала, что мой муж станет знакомить меня со своими родственниками.

– Но я с твоими знаком, – заметил Ритус.

– Только случайно. Стоило ли тратиться на поездку ради встречи с фиктивной женой?

Наташа повернулась и в упор начала рассматривать Ритуса: съел! Станислав Карлович расхохотался:

– С тебя сто баксов, – обратился он к Юли. – Я же говорил, что она переплюнет его!

Светлана Юрьевна улыбнулась: у них все получится. Не зря Ритус просил приехать и познакомиться с его женой: она замечательная, но, похоже, сама не знает об этом. Пока! Понадобится время. Много времени прежде, чем Наташа осознает, что они созданы друг для друга, что они половинки одного целого...

Наташа ехала всю дорогу молча. Когда Ритус остановился около ее дома, нехотя вышла из машины. Не хотелось ей встречаться со своими родителями и дочерью, но в этот раз Ритус прав: прошел месяц, необходимо сказать им о переменах в ее жизни, о кардинальных переменах.

Воропаевы обрадовались гостям, особенно Соня, когда увидела маму. Она узнала Ритуса, который, когда они виде-

лись, всегда делал подарки. Не обошлось без подарков и на этот раз. Ритус протянул ей дневник в тонкой коже. Класс! Теперь можно записывать мысли...

Пока накрывали на стол, усаживались, Наташа ничем не выдавала волнения. Волновалась ли она? Да. Как сказать дочери, что Ритус теперь ее отчим, а Ярослав больше не муж. Наташа знала, что Соня боготворила отца. Еще бы, как когда-то много лет тому назад она сама.

– Ритус, что у тебя с лицом? – не выдержала Соня.

– Что? – Ритус сделал вид, будто не понял.

– У тебя синяк во всю скулу.

– У меня не только синяк во всю скулу, но еще недостает двух зубов, и ребра сломаны, – он подмигнул девочке, словно радовался такому виду.

– Случайно упал? – смеялась Соня.

– Совершенно случайно... наткнулся на кулак твоей неподражаемой мамочки, – рассмеялся Ритус, показывая недостающие зубы.

– Получил по заслугам, – не сдержалась Наташа.

– Как скажешь!

– Мама, а в чем его заслуга?

– В том, что этот урод вместо секса, которым, по его словам, он не умеет заниматься, сделал мне ребенка!

Родители и Соня застыли в изумлении, но двое словно не замечали их.

– Дорогая, ты никогда не говорила, даже не упоминала,

что не хочешь иметь детей! – вкрадчиво проговорил Ритус. Он прекрасно понимал состояние Воропаевых, но куда важнее сейчас Наташа. Надо все сказать за нее, и подобный способ, по его мнению, самый подходящий, так как он абсолютно сумасшедший. – Видишь ли, когда, не предохраняясь, занимаются сексом, то получаются дети.

– Ты мог бы предохраниться!

– Ты требовала немедленно! У меня не было времени бежать в аптеку!

– Ты знал заранее, что может потребоваться.

– Ты не упоминала, выходя за меня замуж, что хочешь секса!

– Ты не говорил, женись на мне, что хочешь ребенка!!

– Только одного? – Ритус, как и утром, упрямо посмотрел на Наташу.

Когда сегодня утром после этих слов Наташа врезала ему, он вылетел в окно и приземлился аккуратно на газон. Белых, увидев его, не спеша подошел. Ритус, потирая скулу, выплюнул зубы: черт.

– У вас все в порядке? – поинтересовался Костя, осторожно осматривая Наташу в воинственной позе у окна: «попробуйте подойдите – получите по заслугам!».

– Да. Все просто замечательно! У нас будет ребенок! – ответил Ритус, вытирая разбитую губу.

– Поздравляю, – без энтузиазма произнес Костя, прикидывая, сколько раз Наташа вышибет Ритуса через окно, а ес-

ли с балкона второго этажа? Он нечаянно посмотрел вверх, в сторону балкона.

Наташа проследила за его взглядом: Черт, почему она сразу не догадалась! Надо было оттуда, да еще врезать между ног. Костя, поняв ход мыслей Наташи, покачал головой, но высказываться вслух воздержался: где уверенность, что она не выпрыгнет через окно и не сделает с ним что-нибудь подобное.

Вот и теперь Наташу словно ужалили пчелы целого улья при словах Ритуса. Она вскочила и, схватив стул, накинулась на Ритуса. Муж опередил ее на несколько секунд, и в то мгновение, как она размахивалась стулом, он находился в дверях. Стул разлетелся в щепки о его вытянутую руку. Ей требовалась его кровь, причем вся, до последней капли. Мужчина ждал нападения, ему удалось справиться с ее руками и прижать их к бедрам. Он прижал ее к стене так, чтобы она не могла не то что лягнуться – шевельнуться.

– Наташа, пожалуйста, – шептал он ей, прижимаясь к ее голове. – Не надо, ты поранишь кого-нибудь. Потом.

Ее ноздри раздувались, как у взбешенной кобылы, но укротитель был опытен, слишком опытен.

– Пусти меня, урод!

Ритус отпустил. Он собрал остатки стула и сложил их в угол. Наташа, все еще пылая от негодования, подошла к столу, налила себе полный стакан водки и выпила в несколько больших глотков. Не закусывая, трясущимися руками поста-

вила стакан на стол и ушла в свою комнату. Отец посмотрел на Ритуса, тот спокойно сел за стол.

– Мы поженились, так как нам обоим нужна свобода. Я вдовец, а значит, за мной устроят настоящую охоту все женщины от 6 до 90 лет, а Наташе хочется заниматься тем, что она умеет делать, самой, без оглядки на мужа.

– У тебя тоже дети? – спросил Воропаев, пристально глядя в глаза.

– Да. Света и Артур за границей. С нами младший – Сережа. Ему ...

– Значит, мама развелась с папой? – наконец выдавила из себя Соня.

– Да.

Ритус выдержал пристальный взгляд девочки-подростка, боготворящей своего отца. С этой секунды она возненавидит Ритуса, потому что он стал ее отчимом, потому что отнял маму у папы. Теперь она не будет сидеть у него на коленях и строить из его длинных волос небывалые пирамиды. Теперь она не покажет ему язык, не побежит с ним наперегонки. Не примет подарков. Ритус знал об этом заранее. Он бы на ее месте поступил именно так, ведь она вся в него...

Соня поднялась и ушла в свою комнату.

– По-другому нельзя было? – спросил тесть, нахмурившись.

– Нет.

– Ну-ну...

Ритус сидел на полу около кровати, на которой спала Наташа. Сегодня она потратила много сил: и физических, и моральных. Проснулась, когда начало светать. Ритус сидел все также неподвижно. Для него не существовало времени. Он знал, что она проснулась, она знала, что он рядом, хотя женщина не поворачивала головы.

– Ты так не хочешь ребенка?

– Я оказалась не готова к подобному повороту событий... слишком много и быстро... с твоим давлением.

– Я старался не давить на тебя.

– Ты старался. Мог бы объяснить, а не прятаться за отговорками типа «никудашний любовник».

– Тебя напрягает это больше всего?

– В какой-то мере да. Я никогда не ставила на первое место физические отношения между мужчиной и женщиной.

– Так и сейчас не ставь, – Ритус пожал плечами.

– Не могу. Мое тело отказывается мне подчиняться – живет своей, отдельной жизнью.

– Это фантазия гормонов – скоро они утихнут. У тебя давно не было мужчины, а тут кто-то новый.

– Не знаю... Мне кажется, что сюрпризы на этом не закончатся – есть что-то еще. Ведь так?

Наташа, наконец, повернулась к нему лицом. Ритус улыбнулся: она права. Наташа вздохнула, с грустью глядя ему в глаза.

– Я люблю тебя, – слова были просты и ясны, как божий день. – С того момента, как впервые услышал тебя. Помнишь, тогда я не мог видеть...

Наташа смотрела на него, словно он помешанный. Этого не может быть, потому что... просто не может быть и все. В голове не уместалось. Он что, издевается?

– Но... ты свел меня с Ярославом, – Наташа приподнялась на локте, чтобы лучше рассмотреть Ритуса.

– Ты хотела за него замуж, потому что любила.

Наташа привстала – вперилась взглядом. Нет, не врет, не издевается. Скорее, печалится от того, что она не может понять простую истину.

– Мог бы и сказать, – упрямо настаивала на своем Наташа.

– Слепой калека выглядел весьма невзрачно на фоне принца на белом коне, – с горечью заметил Ритус. – К тому же история с Илей. Я не мог не жениться... Насмешка судьбы!

– Ты любишь все эти годы?

– Да.

И снова простота до осязаемости.

– Больно?

– Я привык. Тем более мы часто бывали вместе. Я знал о тебе все, наверное, даже больше, нежели ты о себе.

– Значит, ты не случайно пригласил родителей, братьев?

– Не случайно.

– Они в курсе?

– Да.

– А кто еще?

– Все.

– В смысле? – опешила Наташа.

– Все, – повторил Ритус.

– Ты хочешь сказать, что все ребята знали о твоих чувствах?

– Да.

– Ты что кричал на каждом перекрестке?

– Нет. По молодости я еще не умел скрывать своих чувств.

Когда я был рядом с тобой – весь мир переворачивался...

– Ритус! – вскрикнула Наташа, онемев от ужаса.

– Прости. Я не должен был говорить.

– То... что было между нами... Мне ведь тогда, в первую ночь, не приснилось, что меня целуют?

– Нет.

– И... потом, когда я заявила на кухне... Это ведь не просто физиология с твоей стороны?

– Нет.

– И ребенок?

– Специально я не хотел, хотя в душе желал.

– И что мне теперь делать?

– Наверное, побить меня в очередной раз.

– Я серьезно.

– Не знаю. Может, попробовать ужиться со мной? В том случае, если уж совсем достану, сможешь задушить меня в

постели.

– Ритус! – Наташа застонала и повалилась на кровать.

– Я не связываю тебя по рукам и ногам. Что хочешь, то и делай. Куда хочешь, туда и езжай.

– Ты будешь ждать?

– Да. Скажем... на кухне.

Ритус понял, что она оттаяла.

– Сволочь!

Часть 2

Рихард

Глава 1

Ася блуждала по глубокому подземелью, в котором не было света. Капли воды, ударяясь о холодный пол, разбивались вдребезги. Мрак давил, подавлял своей властью. Она на ощупь пыталась найти выход – не получалось. Вот и в этот раз почувствовала, как рука уперлась в пустоту. Снова развилка, очередная. На этот раз два, а не три туннеля впереди. Ася двинулась дальше по ближайшему к ней. Пройдя несколько десятков шагов, обернулась, словно на чей-то зов, постояла так несколько минут, прислушиваясь – нет, ничего, только удары капель. Потрескавшиеся губы прислонились к стене – она, как и прежде, оказалась сухой, только пыль. Где же животворительная влага? Почему столько времени она слышит звук воды, но не может до нее добраться? Думать нельзя. Останавливаться нельзя. Идти. Надо идти. Все равно куда, лишь бы двигаться. Остановишься и заснешь. А сон – смерть. Она повернула назад по туннелю, вдруг решив, что пойдет по другому пути. Вернувшись, по ее подсчетам, на-

зад к развилке, она не нашла другого туннеля. Но он же был! Был!

– Где?.. Где?.. Где он?..

Ася металась по постели. Рихард в который раз пытался успокоить ее. Обхватив Асю за плечи, он укладывал обратно в кровать, но она тут же вырывалась.

– Ася, Асечка, слышишь меня? Хорошая моя...

Ася не слышала. Лишь звук воды... Язык уже не ворочался от пыли во рту. В какой-то момент она не выдержала и начала колотить кулаками стену, обдирая пальцы в кровь. В темноте не было видно, как она выглядит, но если бы такая возможность была, то Ася, увидев свое отражение, отшатнулась от него в ужасе. В глаза попадала пыль, поднятая ею, щипала их. Обессиленная, женщина завывала, как подстреленная волчица, скуля и взвизгивая. Она прислонилась спиной к стене, сползла по ней на каменный пол и потеряла сознание.

Обмякнув, она, наконец, успокоилась в руках мужа. Рихард положил ее на подушки, пригладил рукой растрепавшиеся волосы, смочил губкой губы. Она лежала в глубоком обмороке. Он не стал приводить ее в чувство – пусть отдыхает. Когда в обмороке, она не бредит. Очнувшись, снова начнет метаться.

Рихард не чувствовал усталости. За последние две недели он спал в общей сложности несколько часов, да и то под напором Сана. Он осунулся, глаза ввалились и потухли, щетина переросла в бороду. Его ничто не трогало, кроме Аси, а с

ней творилось невообразимое.

Когда позвонил незнакомый человек и сказал, что его жена в больнице, Рихард только спросил, жива ли она. Утвердительный ответ успокоил его, пока он не увидел Асю. В больнице она пришла в себя лишь раз и то только затем, чтобы начать кричать и метаться. В госпитале ЭСВ, куда в тот же день ее переправили вертолетом, врачи, тщательно осмотрев пациентку, выдали приговор: физически здорова, несмотря на потерю ребенка. Небольшое сотрясение мозга, полученное при падении, не может вызвать подобную реакцию – дело в психике. Рихард, несмотря на протесты Тимура, забрал ее домой.

– Мой господин, – шепотом позвал Сан.

– Да.

– Мой господин, может, выслушает совет. Хуже ей не станет. Давайте дадим ей немного вина. Надо, чтобы разум перестал сопротивляться, надо подавить его.

– Как это сделать, если она без сознания, а когда в сознании, не дает прикоснуться к себе.

– Думаю, мы справимся, – попытался подбодрить хозяина Сан.

Ася очнулась вдруг, как и заснула перед этим. Она мучительно пыталась вспомнить, что с ней случилось, но никак не могла понять, где она. Пошарив рукой по каменному полу, наткнулась на стену. Поднялась, осмотрелась по сторонам. Было глупо это делать, так как кругом непроглядная темь.

Страха не было, как и ощущения голода. Хотелось пить, не мешало бы погреться возле костра, но ничего – и так сойдет. Интересно, где это она и как здесь очутилась, а главное – зачем. Может, это сон? Да, скорее всего, сон. Страшный, но сон. Раз так, то он скоро кончится – она окажется в другом месте. А если нет? Да нет... Что это? Она обернулась на звук...

Ритус сидел на диване в библиотеке и слушал Рихарда.

– Отправь меня к ней, – потребовал Рихард.

– Куда именно?

– Не знаю.

– Она ведь спит.

– Значит, отправь в ее сон.

– О чем он?

– Не знаю.

– Рихард, у каждого человека свои страхи, которые при стрессовой ситуации могут проникнуть в реальную жизнь и овладеть хозяином. Чтобы отправить тебя в сон Аси, я должен знать, о чем он. Иначе я не смогу помочь. Если я отправлю тебя просто в сон, то ты можешь оказаться во сне абсолютно незнакомого тебе человека с подобными страхами, не более, но с Асей ты не встретишься.

– Что же делать?

– На какое-то время ты заблокировал ее мозг, но прибегать к вину постоянно нельзя. Надо выяснить, о чем сон. Я

попробую побеседовать с ней. Пока я буду с Асей, ты...

– Я буду там же, – перебил его Рихард, прекращая дальнейшие рассуждения Ритуса.

– Хорошо, – согласно кивнул Ритус, поняв, что спорить не следует.

Ритус подошел к кровати, на которой лежала Ася. Она вроде бы спала, во всяком случае, грудь поднималась и опускалась ровно. Мужчина поставил стул рядом с кроватью.

– Ася, привет, – он наклонился к ее уху.

Дыхание ее не прервалось, не задержалось – она не слышала его.

– Мне очень хочется помочь тебе, но я не знаю, где ты. Если бы я узнал место твоего пребывания, вытащил бы тебя.

Ася не двигалась.

– Попробуй сам, – Ритус отодвинулся вместе со стулом.

Рихард присел на кровать, обмакнул губку в вино, провел ею по губам. Несколько капель скатились по щеке на подушку, несколько осталось на губах.

– Выйди, пожалуйста.

Ритус удалился.

Спустя два часа Рихард вышел из комнаты, в которой спала Ася. Ритус сидел на кухне.

– Поешь, – предложил он Рихарду.

– Не хочу.

– Если ты собираешься в путь, тебе потребуются силы не

только для себя, но и для нее. По виду могу предположить, что ты догадываешься о ее месте нахождения.

– Есть кое-какие мысли.

– Она всегда разговаривает во время ваших уединений?

– Тебе обязательно знать об этом?

– Нет.

– Нет.

– Ты совсем обессилил ее?

– Наверное.

– А сам?

– Частично.

– Сначала поешь, потом расскажешь о своих ощущениях.

– О чем?

– Ощущениях. Что ты чувствовал? Меня интересуют не слова – они могут оказаться лживыми. Сердце не лжет никогда.

Рихард ел не спеша, обдумывая слова Ритуса. Ощущения. Легко сказать: расскажи об ощущениях. Тем более о таких.

– Было что-то новое? – перебил его размышления Ритус. – Не так, как обычно?

– Да.

– Было тепло, жарко, прохладно?

– Холодно.

– Хотелось пить?

– Да.

– Чувствовал много цветов или один?

– Нет. Цветов не было.

– Пустота или темнота?

– И то и другое.

– Преобладание чего?

– В равной степени.

– Чувствовал что-нибудь мягкое?

– Нет.

– Мне надо подумать.

Рихард молча допивал бокал вина.

– Если вокруг много пустоты – она в лабиринте. Цветов нет – темнота. Скорее всего, она в замкнутом пространстве без света. Земля ведь мягкая, а ты не почувствовал ее – значит, она в пещере. К тому же там холодно. Да, она в каком-то замкнутом пространстве, очень большом или, может, ей кажется, что большом, без света. Там холодно. Может, под землей. Уже что-то. Я попробую, но не слишком надейся.

– Это было лишнее.

– Я должен был сказать.

Ася в очередной раз оглянулась. Она слышала, явно слышала какой-то звук. Она снова опустилась на пол. Пить все еще хотелось, но не было испепеляющей жажды. И вроде бы согрелась, сама не зная, как. Она успокоилась, и вся превратилась в слух. Надо выяснить: откуда идет звук, иначе она никогда не сможет выбраться отсюда. Вот еще. А если это враг? Нет, сердце не бьется, как тогда, в момент опасности. Наоборот, оно успокоилось, даже слишком. Враг может быть

обманчив, может принять любой облик. Нет. Не в этот раз.

Ася сидела, вся обратившись в слух, несколько часов кряду. Руки и ноги затекли, но она не чувствовала ни холода, ни голода, ни, что самое поразительное, жажды. Она ждала. Идти не было сил. Надо оставаться здесь. Если перед ней враг – он не заметит ее и пройдет мимо. Если друг – найдет: доведет сердце. Она не заметила, как начала дремать. Очнувшись, поняла: что-то изменилось. Медленно поднявшись, спиной опираясь о стену, осмотрелась по сторонам: как будто можно что-то рассмотреть в этой крошечной тьме. И увидела мелькнувший огонек. Он был настолько крохотный и так быстро исчез, что могло показаться, что его вовсе не было. Ася, забыв об усталости, об опасности, ринулась в сторону, где ей почудился свет. Она бежала, задыхаясь, легкие должны вот-вот разорваться, но ее это не трогало. Если не выберется, все равно умрет. Если враг, пусть убьет. Она поскользнулась на скользком полу и упала, сильно ударившись при падении коленом. Сознание вновь покинуло ее.

Рихард снова и снова кружил по бесконечному лабиринту. Вода, стекающая со стен, хлюпала под ногами. Он освещал себе путь маленьким фонариком. Опять развилка. Перед этим Рихард трижды свернул налево. Что ж, так он поступит и в этот раз. Он уже повернулся, чтобы идти дальше, когда услышал посторонний звук. Откуда он? Оставаясь на месте, он вслушивался, вслушивался... все яснее, яснее. Определив, откуда идет звук, Рихард осторожно двинул-

ся ему навстречу, отметив про себя, куда следует свернуть по возвращении. Фонарем он уже не пользовался: неизвестно, что там, впереди. Спустя несколько десятков шагов услышал хлопок. Потом все стихло. Совсем. Обратившись в слух, он старался идти бесшумно, в такт падающих капель, приглушавших его шаги. Он остановился, почувствовав под ногами что-то живое. Присев на корточки, осторожно протянул руку и тут же отдернул ее, словно обжегся. При свете фонаря увидел, наконец, ту, ради которой так долго бродил в мире, которого не должно существовать.

Рихард поднял Асю на руки. Под ногами везде вода. Положить женщину некуда. Ладно, не надо. Она жива, хотя без сознания. Надо возвращаться. Силы, о которых говорил Ритус, оказались на исходе, а еще предстоял путь. Возможно, есть более короткий, но ему придется снова пройти там, где он шел. Ничего, он дойдет. Дорогу он помнит...

Ритус понимал, что времени у Рихарда уже нет, но все равно не возвращал его. Что он будет делать в этом мире без нее? На немой вопрос Сана Ритус ответил:

– Знаю.

И сидел, молча глядя на двух людей, лежащих на кровати. Когда Рихард зашевелился, Ритус наклонился к нему, стараясь уловить дыхание. Где он? В каком мире? Или, может, что хуже всего, между? Оттуда хода точно нет. Рихард тяжело, медленно, но верно шел домой. Время... Да, оно закончилось. Но... Он облизнул пересохшие губы и провалился в

беспамятство.

– Где он? – спросил встревоженный Сан.

– Не знаю, – честно признался Ритус.

– Что делать?

– Ждать.

Когда спустя час Ася открыла глаза и впервые осмысленно посмотрела вокруг себя, Ритус понял, что наполовину предприятие Рихарда увенчалось успехом. Женщина в недоумении воззрилась на Ритуса и Сана. Что они делают в их спальне? Судя по их выражениям лиц, они здесь давно. Ася посмотрела налево – Рихард. Какой-то посеревший, постаревший, с бородой, но все-таки он и никто другой.

– Ася, выпей, пожалуйста.

Ритус помог женщине сделать несколько глотков. Разбавленное подогретое вино подействовала сразу: веки сомкнулись сами собой. Объясняться с Асей сейчас у Ритуса не было ни охоты, ни сил, ни знаний. Силы, действительно, утратились, ведь их он передал Рихарду. А оставшиеся необходимо беречь – нельзя позволить себе роскошь оказаться совсем без них. Что же касается знаний, он не уверен, что стало с Рихардом, так что даже захоти он ответить Асе, сказать было нечего.

Через несколько дней Ася сидела около окна, забравшись с ногами в кресло. Чай, что принес Сан, остался нетронутым. Она обещала Рихарду, что будет есть, но сейчас не было сил

заставить себя сделать даже глоток. Услышав шаги в коридоре, Ася по инерции протянула руку к чашке и опрокинула ее в ближайший цветок. Она поставила пустую чашку как раз в тот момент, когда в комнату вошел Рихард.

– Привет.

Он погладил жену по щеке и посмотрел на нетронутое печенье. Ася перехватила его взгляд и сказала:

– Я выпила чай, печенье позже.

– А я думал, что чай выпила пальма. Вероятно, она попросила тебя об этом.

– Рихард, пожалуйста, не надо, – устало проговорила Ася.

– Хорошо, – муж сел около ее ног.

Они сидели и смотрели в окно. Она на реку, он на небо. Река чему-то хмурилась, вода была непроницаемой, плотной, тяжелой. Небо тоже хмурилось, тучи сменяли друг друга без остановки. Краски неба и воды оказались похожими: темными, нечеткими.

– Может, все-таки стоит сказать твоим? – спросил Рихард.

– Зачем? Чтобы и им было плохо? Не стоит.

– Есть боль. Она может причинить много страданий, может убить человека. Но стоит ее разделить с кем-то, она уменьшится. Если оставшуюся половину тоже разделить, то...

– Я не хочу отдавать свою боль!

Рихард осекся, понурился, уставился в пол. Слова были бесполезны. Рука не ныла – заходила в боли. Завтра,

наверное, будет хуже – он тоже не отдаст боль. Щека пере-дернулась в нервном тике.

– Распорядиться насчет ужина? – натянуто спросил он, теряясь, о чем можно еще спросить, понимая, впрочем, насколько бестактно звучат его слова.

– Как хочешь, – безразлично ответила Ася, не отводя взгляда от реки, что начала протестовать против ветра, ерошившего ее наперекор течению.

Рихард тяжело поднялся и пошел в кабинет. Сегодня он переночует здесь. Надо предупредить Сана, чтобы не беспокоил ее. Он постарается не шуметь, как обычно. Хотя об обычном шуме судить ему трудно: сам он не помнил, Сан молчал, а при Асе приступы не появлялись вплоть до сегодняшнего дня.

Рихард метался, скрипя зубами. Даже в беспомощности помнил: боль только его. Он ее не отдаст никому и никогда. Сан не отходил от дивана. Здесь неудобно. На кровати был размах. Здесь же удержать мечущегося человека невозможно. Дважды Сан падал сам, один раз с Рихардом. В дверь постучали – этого только не хватало.

– Н-е- в-п-у-с-к-а-й!

– Да, мой господин.

Сан приоткрыл дверь ровно на столько, чтобы прошмыгнуть в нее самому.

– Госпожа...

– Прекрати, Сан, знаешь, я не люблю этого. Где Рихард? Уже поздно.

– Он сегодня согласился помочь мне, но если вы против, то я передам.

– Нет, Сан, не надо. Я хотела узнать, что с ним. Мне показалось, ему нездоровится.

– Вам показалось.

– Спокойной ночи, Сан. Рихарду тоже.

Сан, помедлив несколько секунд, пока Ася скрылась за поворотом, вернулся в комнату. Рихард беззвучно пытался обуздать боль.

– О, мой господин... Я сейчас...

Сан несся по коридору. Хлопок остановил его. Хлопок. Сан знал, что это за... Когда он ворвался в кабинет, Рихард все еще сжимал пистолет...

Ася проснулась от звука вертолета. Она сначала подумала, что это во сне. Нет. Ветер прерывался отчетливым звуком винтов машины. Внизу что-то происходило. Она поднялась с постели, подошла к двери. Та оказалась запертой. Что за шутки? Дом! Она постучала в дверь.

– Откройте!

Распахнувшаяся дверь столкнула Асю лицом к лицу с Ритусом.

– Здравствуйте! – растерялась женщина.

Ритус молчал.

– Дверь почему-то не открывалась.

– Я приказал Сану запереть тебя, – жестко сказал Ритус.

– Что!

Ритус взял ее за руку и, совсем неучтиво впихнув в спальню, толкнул к кровати.

– Надо поговорить.

Ася потеряла покрасневшую руку – железная хватка, но промолчала.

– Итак! Первое. Кого ты любишь больше: себя или Рихарда? Если себя – вот пистолет, можешь застрелиться. Если же Рихарда – живи, черт тебя дери, и дай жить другим.

– Не понимаю.

– Она, видите ли, не понимает. Слушай, крошка, к твоему сведению, ребенка потеряла не только ты, но и Рихард тоже. К тому же, он чуть *тебя* не потерял. Он за тобой ходил туда, куда смертному вход запрещен, так как плата несоизмерима ни с чем – плата душой. Ладно, он наплевал на себя – вытащил тебя. И? Что произошло сегодня между вами?

– Ничего, – прошептала Ася.

– Настолько ничего, что он пустил себе пулю?

Он что, смеется или хочет убить ее.

– Нет! – Ритус зло перебил ее мысли. – Ни то и ни другое. Я констатирую факт. Итак, какие слова за сегодняшний день произносились при Рихарде?

Ошеломленная, Ася вспомнила все до мельчайших подробностей.

– Значит, не захотела отдать свою боль? – подытожил Ри-

тус, – Замечательно! Он тоже! Когда случился приступ, он не позвал тебя. Когда боль не стало сил терпеть, он выстрелил! Ну, что ж, не смею дольше вас задерживать наслаждаться болью. Можете упиваться ей!

Ритус развернулся и направился к двери. Он не повернул головы, даже услышав шелест опавшего тела.

Первое, что увидела Ася, придя в себя, – маму, устало улыбающуюся дочери.

– Здравствуй, моя хорошая. Я все жду, когда же ты проснешься. Уже беспокоиться начала, но Сан сказал, что ты не в обмороке, а просто спишь.

– Рихард! – еле слышно прошептала Ася.

– Он в больнице. Рана не опасная. Через несколько дней вернется домой.

Ася закрыла глаза.

– Асечка, девочка моя! Знаю, тебе больно. Ничего, это пройдет. Вот увидишь, все будет хорошо. И у Рихарда тоже...

– Он не сказал мне...

– Не хотел беспокоить, ведь ты бы...

– Он не отдал мне свою боль, как я ему...

– Понятно. Ничего. Все будет хорошо.

Мать гладила руку дочери: что она могла сказать. Потерять первенца, такого желанного, любимого еще до появления, – страшно. Для эмоциональной Аси – страшнее в разы.

Одному Богу известно, почему Ася, не посмотрела по сторонам, переходя по пешеходному переходу. Разбираться теперь поздно: ребенка не вернешь, как и спокойствие молодой женщины.

С Саном Ася не разговаривала – предатель, не мог сказать. С родителями, которые проводили теперь с ней большую часть времени, она старалась выглядеть веселой, насколько это было возможно. Даже братец нарисовался. Взглянув на сестру, сказал:

– В гроб кладут краше, но я все равно рад, что ты не там, а с нами, – и, схватив в охапку, прижал к себе.

– Егор, силы рассчитывай, – забеспокоилась мама.

– Ничего, не растает.

Он отстранил, наконец, от себя еле живую сестренку, маленькую, по его меркам, и как-то подозрительно закашлялся.

Через несколько дней вернулся Рихард. Осунувшийся, он выглядел старше себя лет на десять. Ася ждала его каждый день, но не знала, как пройдет их первая встреча. Она сидела на ступеньках лестницы, когда входная дверь осторожно впустила его в дом.

– Привет!

Рихард поднял голову и увидел Асю.

– Привет!

Он подошел и сел рядом.

– Ты напугал меня.

– Я не хотел.

- Я тоже.
- Почему ты босая?
- Не знаю.
- Чем занимаешься?
- Жду тебя.
- Давно?
- Всю жизнь.
- Я опоздал?
- Нисколечко.
- Уверена?
- Да.

– У нас есть жизнь?

– Да. Большая-пребольшая. Такой большой не будет ни у одного человека в этом мире. Мы обязательно будем счастливы. Просто был экзамен. Очень страшный, жестокий, но всего лишь экзамен. Я уверена.

Она прислонилась щекой к его плечу. Так они сидели, пока их уединение не нарушил Сан.

– Прошу прощения, мой господин. Я могу быть полезным?

Ася вскинула голову, прищурился глаза, наметила жертву.

– Спасибо, Сан. Ася? В чем дело? – Рихард увидел хищнический взгляд жены.

– Ни в чем? – солгала она.

– Чем тебе не угодил Сан?

Сан поклонился Асе, еще больше раззадорив ее, но про-

молчал.

– Предатель, – сквозь зубы процедила Ася.

Рихард рассмеялся.

– Сан, похоже, попал меж двух огней. Но, Ася, если он что-либо сказал бы тебе, то теперь я называл бы его предателем. Это я запретил ему, Сан выполнил приказ.

– Значит, ты? – Ася перевела кровожадный взгляд на мужа.

– Ты же не станешь наказывать больного калеку? – спросил Рихард, впрочем, сомневаясь, что слова проймают жену.

– Позже непременно. А теперь, так как мы с тобой два больных человека, причем в большей степени на голову, идем на кухню. Сан, у нас есть что-нибудь съестное?

– Да, моя госпожа.

– Еще раз назовешь меня госпожой... это будут последние слова, произнесенные тобой на этом свете!

– Хорошо...

Рихард улыбнулся и, через силу поднявшись со ступенек, последовал за Асей.

Когда через несколько дней в дом приехала Марина, жена Бориса Топоркова, с дочкой, Рихард обрадовался: есть возможность сменить темы для бесед. С новым человеком всегда так. Дьявол, кивнув на женщину и ребенка, грубо сказал:

– Присмотри за ними, пока я буду занят. Еще чего-нибудь наворочают.

– Интересно, что могут «наворочать» женщины без при-
смотра мужчин? – Асю задел тон, которым были сказаны
слова.

Он даже не соизволил сказать «здравствуйте», хотя она,
Ася, например, видела его второй раз в жизни. (Первый раз
она видела его на собственной свадьбе, но и тогда он пока-
зался ей грубым). Не представил ни женщину, ни ребенка,
что прятался за юбку матери. Несчастливая девочка – как ей,
видимо, плохо с таким отчимом. Дьявол не стал отвечать на
вопрос Аси, нагло проигнорировав его, обратился лишь к
Рихарду:

– Проводи меня.

– Здравствуйте, – Ася потом выговорит мужу за его при-
ятеля, – давайте знакомиться. Я Ася.

– Марина, это Иришка. Она очень застенчивая с незнако-
мыми людьми.

– Еще бы не быть застенчивой при таком папочке! – сар-
кастически заметила Ася.

– У каждого человека свои скелеты в шкафу, – не совсем
понятно ответила Марина, обращаясь то ли к собеседнице,
то ли к себе.

– Вы с дороги, должно быть, устали?

– Все хорошо. Спасибо за гостеприимство. Мужу вдруг
взбрело в голову, что беременная женщина приравнивается
к больной. Работать запретил, отправил в деревню на свежий
воздух, но, признаться, нам с Иришей не очень комфортно

среди своей семьи.

– У вас будет маленький?

– Очень надеюсь, что девочка. В противном случае, мне придется задушить его сразу после рождения, чтобы не получить точную копию моего благоверного...

Марина улыбнулась. Ася попыталась ответить, но получилась кислая гримаса. Вошел Рихард. Он остановился перед девочкой.

– Как жизнь? – спросил он, присаживаясь перед ней на корточки.

– Нормально...

– Нет, Ася, не могу с тобой согласиться. Когда-то и я была такой же, не терпящей слова «половина». Если любить, то без остатка, если ненавидеть – тоже. Прошли годы, прежде чем я поняла, что надо искать середину в самой себе. Мне кажется, что даже в плохом надо искать что-то хорошее. Уверена, оно есть.

– Да ты чудовищная оптимистка, – сказала Ася, хмурясь.

– Нет. Просто, я чуточку больше жила и чуточку больше видела. Было время, когда мне не хотелось жить: после гибели мужа и сына, но у меня оставалась дочь. Сначала жила только для нее, пыталась забрать ее муку. Получалось не всегда. Жизнь столкнула меня с ЭСВ. Встретила Бориса. Он напугал меня до смерти. Он не просил – требовал, чтобы я вышла за него замуж, наставил столько условий. Но он любит

Пришку и меня в придачу (Марина улыбнулась). У нас будет маленький. Я не уверена, смогу ли после всего выносить его, родить здоровым, ведь я уже не молода. Просто надеюсь на лучшее...

Женщины гуляли по лесу. Природа замерла, не мешала им. У каждой из них своя боль, во многом невысказанная. Есть над чем поразмыслить.

– Знаешь, Марин, твой Борик напоминает моего брата чокнутого.

– В чем чокнутость твоего брата?

– Сначала сделает, потом подумает.

Женщины рассмеялись.

– Мне кажется, эта чокнутость не столько от характера, сколько от безысходности, – сказала Марина, несколько подумав.

– Объясни, пожалуйста, – Ася нахмурила лоб: при чем здесь безысходность?

– Ведь твоему брату, скорее всего, нелегко?

– Может быть, – в раздумье протянула Ася.

– Вот видишь. Борису тоже плохо. Он никогда ничего не говорил о себе. Я лишь однажды видела его сестру. При нем она и рта не смела раскрыть, несмотря на то, что она взрослая замужняя женщина.

– Есть люди, которые являются деспотами – суть в этом, – отрезала Ася.

– Может и так. Но будь он деспотом, вряд ли переживал за

Иру и меня. Не обращал бы внимания – да. Не помогал бы. Все делал бы только для себя. Мне кажется, в его жизни было что-то страшное, что перевернуло основы его сознания, всего того, к чему привыкает человек. Теперь он боится, что, если ослабит хватку, страх перейдет и на близких ему людей. Это защита...

– Грубость – защита?

– Да. Сердце беззащитно. Его легко ранить, убить. Нужна надежная броня.

– Если твою точку зрения считать правдивой, то получится, что любого, абсолютно любого преступника можно оправдать. Он жесток, так как защищал свое сердце. Грабил, насиловал, убивал... – Ася качала головой – не могла она согласиться.

– Я не знаю, как мысль выразить словами, может, я что-то упустила, не так сказала, но чувствую, в главном права: твой брат и мой муж не жестокие люди, скорее несдержанные.

– Когда Борис поднимет на тебя руку, тоже сочтешь это несдержанностью? – фыркнула Ася.

– Не знаю...

– Мама, Ася, смотрите, что я нашла, – кричала им Иришка, убежавшая вперед.

– Идем, родная.

Он был такой смешной, этот ежик, свернувшийся калачиком.

– Вот видишь, – сказала Марина, обращаясь скорее к Асе,

чем к дочери, – у него иголки, он, на первый взгляд, колючий, но на самом деле беззащитный и очень добрый.

– Мамуль, можно его взять в дом? – просящим тоном обратилась к ней девочка.

– Ириша, надо спрашивать Асю – не меня.

– Разумеется, мы возьмем его домой, накормим, напоим.

Только вот как?

– Я знаю, я знаю, – закричала Ириша.

Она присела на корточки, растопырив подол платья, положила ежа.

– Хоть на что-то пригодилась, – сказала она, помахивая безжизненной рукой.

Рихард удивился воодушевлению женской половины населения дома. Давно он не слышал смеха Аси, уже несколько недель, а тут именно ее смех доносился из гостиной. Он поспешил спуститься из своего кабинета.

Посреди гостиной лежал еж. Он и не думал прятать свои иголки: неизвестно, что можно ожидать от этой галдящей оравы.

– Рихард! Смотри, еж, – Ася подскочила к мужу, – правда прелесть?

– Да.

– Мы ему молока налили, а он не хочет.

Марина покачала головой:

– Он боится.

– Кого, мама? Мы же не тронем его и не сделаем ничего плохого.

– Об этом знаем мы, а не он. Как только зверек почувствует себя в безопасности, он обязательно покажет носик и выпьет молоко.

– И сколько надо ждать?

– Я не знаю, – не стала лгать Марина.

Рихард позвал всех:

– Сю-да.

– Идите сюда, – дополнила его слова Ася.

Все уселись на ступеньках лестницы затаив дыхание. Иришка попыталась просунуть голову в перила, но мама мягко отстранила ее.

Еж не спешил. Прошло несколько минут, полных тишиной, прежде чем он решился на предприятие. Он не стал сразу убирать все иголки. Высунув лишь носик, понюхал вокруг – незнакомый запах. А это что? Такого он раньше не знал. Что-то мокрое. Шлеп. Ой! Да это лужа. Странно, вокруг сухо, только здесь. Станный запах. Вода – не похоже. И цвет не такой. Яд! Надо осмотреться – вдруг где-то притаился враг и только ждет, чтобы он отвлекся. Нет, ничего, но на всякий случай, не мешало бы проверить. Все-таки, что же это такое? Ладно, была не была. Зажмурить глаза и... хм... странно. Очень странно. Вкусно...

Ребенок наблюдал за ежом, пытаясь запомнить все его движения. Это надо зарисовать. Если бы уметь! А еж, насы-

тившись, еще раз понюхав и не найдя знакомого запаха, начал осваивать новый мир, в котором оказался по воле случая...

Ася лежала, уставившись в потолок. Слова Марины не давали ей покоя. Она не считала, что Марина права, а она нет, так как неправой Ася никогда не могла оказаться (так она считала с трех лет), но... Это «но» не давало ей заснуть. Вошел Рихард. Он вопросительно посмотрел на Асю, но жена сказала:

– Не бери в голову.

Муж разделся и лег в постель.

– Свет тушить?

– Да.

Светильник выключили, но лунный свет проникал глубоко в спальню, не оставляя больше человека наедине с темнотой. Рихард положил больную руку под голову. Теперь он вообще не казался калекой, выглядел очень привлекательно. Он зло усмехнулся над своей попыткой выглядеть лучше, чем есть на самом деле, и пожил руку поверх одеяла.

– Расскажи о Борисе, – без вступления ринулась в бой Ася.

– Не могу.

– Почему?

– Обещал.

– Кому?

– Борису.

– Он что предполагал, что у тебя что-то будут спрашивать о нем?

– Да.

– Но речь, наверное, шла о Марине.

– Обо всех.

– Я, по-твоему, отношусь ко всем?

Рихард промолчал.

– Ну, знаешь.

Возмущению Аси не было границ: подумать только. Она и все – одно и то же. Она рывком села на кровати. Отвернувшись от Рихарда, взбила и без того высокую подушку, с размаху упала в нее, надувшись на мужа. С обиды она зевнула: завтра будет дуться от души – и заснула. Рихард лежал без движений. Он вслушивался в ровное дыхание жены. Ей пришлось не сладко – как объяснить? С ее нервами. Тут и сильный упадет...

Глава 2

В ЭСВ не многие знали, почему Борис Топорков стал Дьяволом. А те, кто знали, старались забыть.

В юности человек ошибочно полагает, что у него обязательно все получится, что жизнь бесконечна и ее лучшие плоды предназначены именно для него. Таким молодым человеком был и Борис Топорков. Он не был, скорее, исклю-

чением из общей массы юнцов.

Когда отец ушел из дома, Борис не стал переживать: не велика потеря. Инвалидность сестры расстраивала, но не настолько, чтобы занять все его мысли. Он подружился с классными парнями. Мать ведь никогда раньше не жаловалась на здоровье, не жаловалась и теперь. Она ничего не имела против друзей сына – может быть, дружба поможет ему найти себя в будущем. Нашел...

Когда у лучшего друга – Влада – погибла невеста, Борис воспринял известие как личное горе. Они просиживали часами в баре, порой, здесь и засыпали. А Ритус... Да что он может понимать в настоящей любви? У него-то все живы.

Они сидели под навесом придорожного кафе. Село так себе: зачем сюда ставить части ЭСВ? Зачем их вообще куда-то ставить? У Ритуса новый пунктик. Неужели им мало места в Б..? Нет, подавай ему полигон. Ладно. Черт с ним! Как никак начальство. Можно съездить посмотреть. Посмотрели: захолустье, как и везде! Ни дорог, ни мостов – брошенный полигон, на котором оставалась еще кое-какая техника, что не успел приспособить в личном хозяйстве сметливый русский мужик. Ничего. Вот выпьет и поедет по грибы на БТР. А почему, собственно, нет?

Борис и Влад не спеша потягивали полутеплое пиво, заедали рыбой. Противно, конечно, но все лучше, чем ничего. Возвращаться назад не хотелось. Эх, Ташку бы Воропаеву сюда. Угораздило ее родить. Сидит теперь пялится на дочу-

ру – чего с ней делать.

– Как ты думаешь, кто будет ее кормить? – спросил Влад, имея в виду младенца.

– А фиг ее знает. Может, Ярослав себе грудь отрастит, – хохотнул Борис.

– Да, эта версия мне кажется тоже более вероятной.

– На кой ляд она вообще рожала?

– По неопытности. Думаю, ветром занесло.

Опять взрыв хохота, запиваемый пивом.

– Ну и кислятина.

– Я бы не отказался от Ташкиных анекдотов.

– Я тоже... «Какое рожать – я лопать хочу. Курицу мне!»

Они вытирали выступившие от смеха слезы.

– Таких родов я еще не принимал.

– Я тоже...

– «Одной курицы, пожалуй, может не хватить. Лучше две...», – вспоминал Влад Наташины слова в родовой палате.

– «и картошечки»...

– «и огурчиков»...

Они хохотали, не обращая внимания на группу молодых людей перед входом в магазин. По одежде чувствовалось, что приезжие, как они сами. Борис повернулся только, когда услышал хохот, более дикий, чем их с Владом. Он увидел, как трое подвыпивших юнцов пристают к девушке.

– Эй, уроды, девушку отпустите, – угрожающе произнес он.

– Ты че сказал?

Разборка закончилась быстро. Борис отряхивал рубашку

– уроды пролили пиво.

– Спасибо вам.

– Пожалуйста, – Борис не взглянул в ее сторону.

– Вас сам Бог послал мне на помощь.

– Бог? Это тот урод, что якобы сидит на небесах? – зло уточнил Борис.

– Зачем вы так? – девушка отпрянула от него как от прокаженного.

– Как? – Борису стало интересно. Он, наконец, оставил испорченную рубашку в покое и взглянул на девчонку. Перед ним стояла совсем еще подросток. Женские начала только-только обозначались. Простенькое платье облегалo стан. Русая коса доходила до пояса. Глаза бездонные.

– Как можно подобное говорить о Боге?

– Не волнуйся, он не услышит, даже если существует, – с издевкой продолжил Борис.

– Даже *если*? Так вы что, не верите?..

Борис громко рассмеялся.

– Несмотря на повальное увлечение боженькой и хороводы вокруг церкви, я не просто не верю, или совсем не верю, я даже и не задумывался никогда о нем, потому что его нет.

– Но это не так! – девочка в ужасе прикрыла рот ладонью.

– Ты его видела?

– Нет.

– А почему, в таком случае, говоришь, что это не так? У тебя же нет доказательств его существования.

– В Библии есть.

– Уволь! Библия – книга. Ты когда-нибудь читала фантастику? Нет, лучше сказки? Хотя какие сказки – там всегда все счастливы, а добро побеждает.

– В жизни тоже так.

– В жизни? – теперь настало время изумляться Борису. – Издеваешься? Или, может, душой прикидываешься? А, нет, я понял: ты сумасшедшая.

– Думайте, что хотите, но вы не правы. Ведь если отвергнуть Бога, придется принять Другого.

– Под другим, я полагаю, подразумевается Дьявол?

Девочка истово троекратно перекрестилась, шевеля губами, вероятно, произнося молитву. Лицо Бориса передернуло нервный тик: она что, в самом деле, верит?

– Да я скорее поверю в плохого Дьявола, чем в вашего хорошенького Боженьку. Бог, ты где? – Борис саркастически посмотрел на небо, затем на бледную девчонку. – Нет ответа. Видишь, его нет.

– Нельзя... это грех... грех неискупный... – девочка в ужасе отпрянула от мужчины.

– Грех? А не грех убивать дорогих людей, отнимать у них жизнь? Что-то я не увидел, чтобы за тебя заступился боженька. Или вон за него, – Борис махнул в сторону Влада. – Чего же он, такой хороший, забрал у него все? А? Молчишь? Вот

и молчи.

– Я буду за вас молиться, – шепотом произнесла девушка.

– Не стоит. Я лучше продам душу Дьяволу, чем позволю добренькому Богу молча взирать с небес на горе близких мне людей.

Она больше не стала спорить. Пятясь, словно от прокаженного, она повернула домой, забыв, зачем приходила – в магазин так и не зашла.

– Ну, и зачем напугал девчонку? – спросил Влад.

– Я сказал правду.

– У каждого своя правда. Возможно, для нее правда в Боге.

– Глупо. Рано или поздно она поймет, что в жизни крайне редко побеждает добро на этом свете, а на том оно мне ни к чему, знаешь ли.

– Оставь свои демагогии при себе. Тоже мне – лучше Дьяволу...

– А что? Между прочим, я не врал сейчас.

– Не боишься, что когда-нибудь эти слова выйдут тебе боком?

– Нет.

– Мне бы твою уверенность... Простите, – Влад обратился к проходящей мимо женщине, – кто та девочка, что была здесь.

– Это Мария. Дочка нашего батюшки.

– Понял, дубина.

– И что я, по-твоему, должен понять?

– Что вера у нее с молоком матери. Она искренне верит, а ты своими глупыми замечаниями пытался опорочить ее веру.

Борис пожал плечами: ему безразлично.

– Знаете, как она поет. На ее пение из соседних сел приезжают.

Оказывается, женщина все еще стояла здесь, видно, спешить ей было некуда.

– Вы ведь приезжие. Как-нибудь сходите – послушайте. Наверное, так ангелы поют в раю.

Борис поморщился как от надоедливого зуба, что болит, не переставая, подряд многие дни. Хотел что-то заметить, но передумал – Влад пристально смотрел.

Когда Борис разместил части своей армии в этом селе-нии (первый эксперимент ЭСВ), он впервые остался один, без Влада, с которым они были друзья не разлей вода. Теперь оставалось много, по его меркам, свободного времени, а занять его, кроме выпивки и женщин, нечем. Такое время-провождение рано или поздно не столько надоедает, сколько опресняется, хочется чего-нибудь иного. Он не раз слышал перешептывания за спиной между военными о Марии. Оказывается, она была местной знаменитостью. У нее, если верить ребятам, что ходили ее слушать, чудесный голос. Борис лишь усмехался. Почему бы в таком случае не попробовать

себя на эстраде. Это модно, престижно, доходно...

– Командир, мы завтра в церковь, лады?

Вот опять нате, пожалуйста.

– В пору, продавать билеты на представление.

– Ты бы не зубоскальничал, а послушал. Тогда и говорил бы.

– Ладно, ладно, достаточно, что все вверенные мне солдаты и офицеры истово кинулись замаливать грехи. Глядишь, намолите себе...

Он махнул рукой и пошел по своим делам, но за спиной не услышал обычного ни смеха, ни смешка. Да черт с ними! Он сам по себе. Однако в тот вечер он не захотел ни пить, ни получать женской ласки.

Борис медленно катил по занесенной дороге. Надо пускать грейдер – сколько снега. Завтра сам не проберется на машине. Дьявол! Борис забуксовал на ровном месте. Да что в самом деле? Он вышел из машины, попробовал раскатать – не получилось, одному не справиться. Тьфу, зараза. Борис медленно курил, сидя в машине. На улице хлопьями валил снег. Уже набрал номер пропускного пункта, но передумал, позвонит позже. Он посмотрел на стекла, запорошенные снегом, нажал щетки, счистил снег, но уже через несколько минут стекло снова скрыло от него улицу, на которой ничего, кроме снега. Хоть где он?

Борис снова вышел из машины. Поежился от снега, что тут же оказался за воротником куртки. Не то чтобы непри-

ятно – щекотно. Вообще-то тепло, наверное, на улице плюс. Да, снег в руках липнет. Борис скатал снежок и бросил в пустоту, так, во всяком случае, ему казалось. Снежок нашел преграду. Озадаченный, мужчина, подошел ближе. Ограда. Черт, да это же церковь! И свет в ней. Ага, молятся за грехи. Борис попытался хмыкнуть, но не получилось. Его словно что-то потянуло к калитке, распахнутой настезь.

Он подошел к ступенькам без мыслей в голове. Да, что это он? Неужели струсил? Дверь затворилась поразительно гулко, может, оттого, что церковь была пуста. Никого, слава... Он поймал себя на мысли – интуитивно. Шаги отдавались так же гулко, как и дверь. Горело всего несколько светильников, да и то не в полную силу. Хорошо, такой свет он любил. Мужчина переходил от одного сюжета к другому. На иконах не задерживался. Дойдя до угла, вдруг встретился с двумя свечами, что горели теплым ровным пламенем. Мария молчала: зачем нарушать тишину. Борис продолжил осмотр. Обойдя церковь, вернулся к ней.

– Почему ты так поздно здесь?

– Мне тут нравится.

– И чем занимаешься?

– Готовлюсь к завтрашней службе.

– К ней надо готовиться?

– Для меня да.

– Чем занимаешься помимо подготовки к службе?

– Учусь. Садитесь.

Мария подвинулась, хотя места на лавке было достаточно.

– Ты дочь попа?

– Да, батюшки.

– Впервые вижу дочь священника.

Мария раскладывала свечи по размеру. Положила стопку чистых листочков для записи треб.

– Тебе здесь нравится?

– Да.

– Странно.

Борис сбоку посмотрел на девочку. Ничего особенного: может, и миловидная – не более того. Платок повязан наглухо – не рассмотришь. Что возьмешь с подростка?

– Тебя родители с детства приучали?

– Нет. Мои родители весьма прогрессивные люди. У нас в семье никто никого ни к чему не неволит. Пришло само.

Хотелось съязвить – сдержался.

– Чувствуете?

– Что?

– Здесь страсти, что кипят в повседневной жизни, умиряются сами собой, и на душе становится спокойнее. Снаружи метель, невообразимо что, а здесь тихо. Всегда можно остановиться и отдохнуть.

– От чего?

– Разве вы не устали от ноши на сердце?

– Ты считаешь, что она есть?

– Не будь ее, вы не пришли бы сюда. Увидев меня, не остались и не начали разговаривать.

– Чудно.

– Почему чудно – чудно.

– В чем разница?

– «Чудно» – то есть «смешно», а «чудно» от «чудо». Вот вы немного посидите здесь, на лавочке, поспорите со мной, посердитесь и отдохнете.

– Ты всем читаешь мораль или только избранным?

– Никому и никогда. Если я вас обидела, – простите – не по злему умыслу. Мне показалось, вы хотели спросить. Возможно, я ошиблась.

Разговор казался законченным. Борис не знал, что сказать. Девочка просила прощения, правда, за что, он так и не понял, но уходить не хотелось. Она открыла молитвенник и начала читать. Он откинулся на стену, даже вытянул ноги, закрыл глаза. Хорошо. Так хорошо бывает только в детстве, в том возрасте, в котором еще не помнишь себя – оттого и хорошо.

– Мария.

В дверях стоял мужчина, вероятно, отец. Борис очнулся – нехорошо, в самом деле, хотя, что нехорошо?

– Добрый вечер, – батюшка подошел к столу.

– Здравствуйте, – Борис поднялся с лавки.

– Борис Александрович Топорков?

– Откуда вы меня знаете?

– Как раз наоборот. Я вас не знаю, единственного в этих местах.

– Хотите сказать, что всех, кто приходит к вам, вы запоминаете?

– Хорошая память – не более, – батюшка примиряюще развел руками. – Мария, – обратился он к дочери, – что же ты не пригласишь гостя на чай?

– Не уверена, что он согласится, – девочка опустила глаза.

– Вы всех приглашаете в гости? – нахмурился Борис: не хотел он чаевничать с попом.

– Нет, – ласково, словно ребенку, ответил батюшка, – лишь тех, кто в этом нуждается.

– У меня на лбу написано, что я страдаю? – снова упрямо спросил Борис.

– На лбу у вас, молодой человек, написано другое, но об этом позже. А помощь вам необходима – машина, как я понимаю, ваша на дороге, – улыбнулся батюшка.

– Да, – Борис только теперь вспомнил и о снегопаде, и о машине. – Черт, я и забыл...

Мария произвольно сжалась от слов.

– Ничего, Мария. Все хорошо. Идемте, – полувопросом-полуутверждением предложил святой отец.

Борис ожидал увидеть... Что он ожидал увидеть, если ни разу в жизни не сталкивался с попами? Матушка выглядела совершенно не матушкой, скорее интеллигентной женщиной средних лет, да и батюшка оказался не в рясе, а в обыч-

ной одежде. И дома, похоже, никого кроме них.

– Таня, у нас гость.

– Хорошо. Гости всегда хорошо. Проходите, пожалуйста.

Борис расположился за столом, ожидая дальнейшего, но ему предложили лишь ужин. Вопросов или рассказов о себе не последовало. Домашняя еда была сытная, хотя и постная.

– Вы кушайте. Военные не часто хорошо питаются, – заметила матушка. – Пирожки с разной начинкой.

– Спасибо. Это вы или дочь?

Надо же о чем-то спросить – хоть о пирожках.

– Это бабушка Нюра хлопочет. Она тут живет у нас в соседнем домике, любит делать разные вкусности, баловать нас. Я так никогда не научусь, а Машеньке некогда.

Борис отдал должное угощению.

– Спасибо.

– На здоровье, – женщина смотрела на него по-матерински.

– Помочь с машиной? – спросил батюшка после ужина.

– Не помешало бы.

Мужчины вышли на улицу. Снегопад почти прекратился. Машина стояла в снегу.

– Уверены, что проедете на полигон?

– Да. Я вот этот бугор не заметил.

Борис сел за руль, батюшка начал толкать. С третьей попытки с раскочки машина выбралась на простор.

– Спасибо, – Борис вылез из машины.

– Это вам спасибо. Вы ведь вступились за Марию.

– Пустяки.

– Для вас может и так, да для нас нет. Она у нас одна дочь.

– Просто она маленькая и глупенькая.

– Не могу с вами согласиться. Проблема в том, как она смотрит на мир.

– Вы так серьезно говорите о девочке. Сколько ей лет?

– Двадцать.

– Шутите!

– Нет.

– Я думал... Она сказала, что учится.

– Да. В институте заочно. Мы настаивали, чтобы на дневном – не согласилась. Ее выбор.

– Никогда бы не подумал...

Борис то ли из-за плотной домашней пищи, то ли после длительного пребывания на улице заснул в эту ночь сразу и крепко. Утром встал по звонку будильника – на душе легче.

Зачем поехал туда во второй раз, он не знал. Первый – случайная встреча, машина застряла. Но теперь ни снегопада, ни надобности ехать не было. Подходя к дому, Борис сначала услышал Марию, ее смех, детский и искренний, затем увидел. Она играла в снежки с двумя мужчинами.

– Держись! – один из мужчин бросил в девушку снежок.

– Ах, так. Я тебе покажу, где раки зимуют, – она набрала

полные руки снега, но поскользнулась, потому что спешила, и села в сугроб.

– Здравствуйте, – Борису стало неловко находиться в роли стороннего наблюдателя.

– Здравствуйте, – послышалось в ответ с трех сторон.

Раскрасневшаяся девушка повернулась к нему.

– Как хорошо. Вы мне поможете одолеть этих двоих, – она протянула руку, и Борису ничего не оставалось делать, как помочь ей подняться.

– Видите, какие у них довольные физиономии? Они поспорили, что я им сдамся и запрошу у них пощады, а мне этого очень не хочется.

Ее речь прервал снежок, угодивший прямо в грудь.

– Хватит отдыхать. Думаешь, мы не знаем, что ты тянешь время.

И сразу последовало два удара.

– Ну, ироды...

Борис, смеясь, слепил увесистый снежок и запустил его в ближайшего противника, вставшего на изготовку. Попал по цели, выбив оружие у него из рук.

– Миша, у нас серьезная проблема, – сказал один из мужчин.

– Ничего, ерунда. Не таких видали...

Он не успел договорить, потому что снежок, выпущенный Марией, залетел прямо в рот.

– Тьфу.

Дальнейший бой продолжался без длительных реплик, слышалось лишь: «Ура!» «Вот тебе». «А это тебе» и все в таком духе.

– Мальчики! Мария! Хватит уже, – на пороге стояла матушка.

– Мама, еще чуть-чуть. Я почти побила их.

– И ничуть не побила. Мама, она фантазирует.

Однако мужчины остановились, и Мария, держа последний снаряд в руке, не решалась выпустить его. Матушка, качая головой, вошла в дом.

– Сестренка, ну скажи, что сдаешься, – елеинно тихо прошептал брат.

– Николай! – послышалось с веранды.

– Уже идем, мама.

Мужчины подошли к сестре и начали отряхивать ее. Она, смеясь, перекладывала снежок из руки в руку, раздумывая, кому из братьев напоследок сунуть его за шиворот.

– Маша, а снежок для него? – спросил один из братьев.

– Нет. Он еще не успел провиниться в отличие от вас. Кстати, знакомьтесь. Это мои братья. Тот, что больше – Миша, что меньше – Коля.

– Борис.

Интересно, с чего она решила, что один из них меньше. Оба жлобы дай бог.

– Идемте в дом.

– Не помешаю?

– Поможете. При вас нас не станут отчитывать за сестру.

Братья засмеялись. Весело топая сапогами, они ввалились гурьбой в прихожую. Мария разделась первая и юркнула между мужчин.

– Проходите.

В зале сидел отец. Он внимательно читал газету. Увидев входящих, снял очки, поздоровался с Борисом.

– С сыновьями, я понимаю, вы уже познакомились.

– Пришлось.

Борис сел в предложенное кресло и с интересом рассматривал братьев. Оба были коренастые, широкие в плечах, узкие в талии. Оба с бородкой. У одного плотная, хоть и короткая. У другого аккуратная, ухоженная. Священники, а там, кто знает. Одеты в светское: джинсы и свитера.

Матушка вошла с большой тарелкой, полной картошки, посыпанной зеленым луком и укропом. Мария принесла хлеба, солений. Задвигали стульями, расселись за столом. Перекрестился лишь батюшка, остальные не стали смущать гостя. Матушка сердилась, несмотря на то, что старалась скрыть это. Борис поймал на себе взгляд братьев, прячущих улыбки в бороды. Отец прятать не стал, широко улыбнувшись, сказал:

– Радуются, как дети, что за проказы ничего-то им не будет.

Мать в недовольстве покачала головой.

– Она первая начала, – не выдержал тот, у которого борода

была меньше.

Борис так и не понял пока, кто из них кто.

– Я всего лишь попросила прокатить меня на санках, – тихо сказала Мария.

– Они случайно перевернулись, – сказал один из братьев.

– Правда, Машенька, случайно, – подтвердил другой.

– А врать нехорошо, – не уступала сестра.

– Мы не врем. Помнишь тот камень, что я положил осенью около дорожки. Ты еще спрашивала, зачем я туда его пристроил. Вот он и помог санкам перевернуться.

– Я и сейчас спрашиваю, зачем ты его туда положил?

– Чтобы зимой, катая тебя на санках, наехать на него.

За столом засмеялись, даже матери пришлось улыбнуться.

– Вроде бы и взрослые, а ума совсем нет.

Борису стало хорошо в простом, но уютном доме, за столом, на котором была только постная еда, с людьми, любящими друг друга, чувствовалось, что перед ним семья.

Если бы несколько месяцев назад кто-нибудь сказал Борису, что он по собственной воле станет заниматься подобными вещами, он не то, что не поверил бы, – усомнился в умственных способностях собеседника. Борис не пробовал анализировать поведение, так как оно не поддавалось анализу.

Вместе со взрослыми братьями Марии, Михаилом и Николаем, они заливали горку. Самую настоящую ледяную горку.

ку. И испробовали самолично. Чудно, без сомнения, выглядело со стороны: будущие священники и командующий армии съезжают с ледяной кручи на фанерках, которыми обычно пользуется детвора не старше десяти лет.

Мария летела с горы на санках. Она заливалась смехом, несмотря на слезы, выступившие из-за ветра – глаза она так и не закрыла, несмотря на страх. Когда к горке подошли дети, взрослые уступили им место.

– Катайтесь на здоровье, – задорно крикнула Мария.

Борис больше по привычке остановил машину около церкви. Теперь он не мог себе представить вечер вне этой семьи. Ему казалось, что он здесь не столько из-за девушки, сколько из-за общества умных мужчин. Они сдружились. Если раньше с Владом Борис знал только одно времяпровождение: бар – выпивка – женщины, то теперь оказалось можно обойтись без этого, ничуть не теряя в интересе.

Мария редко участвовала в разговорах. Больше говорил Николай, а говорить он мог о чем угодно и сколько угодно. Как-то засидевшись совсем уж допоздна – никто не заметил, что время одиннадцатый час, Миша сказал, почесывая в затылке:

– Не завидую я твоему приходу.

– Михаил! – строго заметил отец...

Борис постучался. Дверь открыла матушка.

– Борис, проходите.

– Здравствуйте. Возьмите, пожалуйста, фрукты.

– Зачем вы...

– Бросьте, пустяки.

– Снимайте куртку. Дома пока только Коля. Машенька с Мишей ушли в гости – они обещались вернуться к шести, так что скоро будут.

– А Дмитрий Александрович?

– Позвали читать.

Борис прошел в комнату, где на полу сидел Николай. Перед ним лежала раскрытая коробка с множеством деталей, вероятно, от железной дороги. Сам же он внимательно изучал инструкцию.

– Привет.

– А Борис, здравствуй.

Он кивнул в знак приветствия головой и опять ушел в свое занятие. Борис прошел к креслу, не задев детали. Николай чесал затылок.

– Да.

– Зачем тебе железная дорога?

Борис повертел коробку, рассматривая, как должна выглядеть игрушка.

– Это не мне – мальчику одному. Скоро ведь Новый год.

– Действительно, я не подумал.

– Не стесняйся – присоединяйся, – обратился к нему Николай, передав инструкцию, сам тем временем выискивал две

детали и попытался их соединить.

Спустя полчаса вернулись Мария и Михаил.

– Все сидишь? – спросил Михаил, заходя в комнату, – вижу, за время нашего отсутствия ты, даже с помощью Бориса не очень-то продвинулся вперед.

– С твоей помощью, конечно, пойдет быстрее.

– Вне всякого сомнения.

Общими усилиями железная дорога оказалась собранной.

Теперь Мария рассматривала паровозики:

– Миша, включи, пожалуйста. Здорово! Мне кажется, Мише понравится.

Мария ползала на коленях, рассматривая игрушку. Николай смотрел рассеянно: грустно. Борис ничего не понимал. Вошел Дмитрий Александрович. Борис впервые видел его в рясе – внушительно и как-то по-иному.

– Здравствуйте, – он невольно поднялся с места.

– Здравствуйте, Борис.

Поразительно, что до сих пор в этой семье его звали на вы.

– Папа, тебе помочь? – встрепенулась Мария.

– Не сегодня Мария. Николай, зайдите ко мне с Михаилом.

– Да, отец.

Мария сидела на полу, обхватив себя за колени, и молчала.

– Похоже, мне сегодня пора, – не совсем уверенно сказал Борис.

– Вы простите нас. Что-то сегодня всем досталось, даже вам. Мы с Мишей были у одной женщины – хорошая женщина, она нуждается в помощи, а здесь никого из знакомых. А Коля, Коле труднее, – шепотом добавила она.

– Машенька, ты чего гостя не приглашаешь к столу. Борис, идемте на кухню – будем пить чай, – матушка стояла в дверях.

– Вдруг нужно что-нибудь?

– Конечно, нужно. Борису нужен чай, я думаю. А Коле нужно, чтобы вы упаковали подарок. Борис, вы поможете?

– Да.

Было заметно, что девушка не довольна таким поворотом событий, но делать нечего. Борис заметил, что пока они пили чай, мужчины вышли из дома – все трое в рясах. Матушка выходила в соседнюю комнату, что-то выносила мужу.

– Не люблю такие дни, – Мария смотрела на чашку с чаем, но не притронулась к ней. Борис молчал, не зная, о чем спросить – ни о похоронах же, в самом деле.

– Вы ешьте, а то мама станет ругаться – не угощаю. Она очень строгая, когда папа уезжает по делам.

– Не думал, что матушка может быть строгой. Тебя ругать не станет? Ты ни к чему не прикоснулась.

– Мне можно – пост.

Борис посмотрел на хрупкую девушку, которую принял за подростка – не мудрено. Только вот глаза – они мудрее. Он быстро выпил чай и предложил:

– Идем.

Они разложили разрезанный заранее большой лист картона, осторожно перенесли на него железную дорогу. Теперь надо накрыть еще одним листом, потом с боков, потом все запечатать, упаковать в красивую оберточную бумагу, которой как раз не оказалось.

– Завтра Коля съездит в город, купит, – сказала Мария. – Ой, подождите. Надо же, чтобы сюрприз оказался в подарке.

Она принесла конфеты и начала рассовывать их по вагончикам поезда. Больше не помещалось.

– Мало, – разочарованно протянула она.

– Можно прикрепить мешок с конфетами на крышу с подписью «от Деда Мороза».

– Правда.

Наконец, и с этим было покончено. Они еще раз осмотрели дело своих рук – неплохо. Упаковали.

– Маша, я не совсем понял, кто получатель подарка? – спросил Борис.

– Мальчик семи лет по имени Митя, – Мария собирала остатки скотча и картона.

– У мальчика есть родители? – Борис подал обрезки, что лежали около него.

– Да.

– Надо сказать, чрезвычайно трудно... – начал он.

– Коля любил Юлю, – вздохнула Маша, – но он сын священника. Это накладывает некоторый отпечаток на образ

жизни. Она вышла замуж, но счастье оказалось глиняным. Теперь она здесь с сыном у родителей. Вот и вся история.

– А Колька?

– Коля хочет сделать подарок ребенку.

– А его матери?

– Мы стараемся не вмешиваться в личную жизнь друг друга.

– А вот я был бы не против, чтобы кто-нибудь вмешался в мою, – Борис понял, что произнес эти слова вслух. – Что-то я сегодня разговорился – не к добру это.

Мария промолчала.

Когда Борис приехал на полигон, он все еще был под впечатлением сегодняшнего дня. Что-то пошло не так. Причиной, вероятно, было стечение обстоятельств. К утру Борис понял, что ему надо купить подарки – послезавтра Новый год. Он укатил в гарнизон. За ночь так и не придумал, что могло бы понравиться Марии. Что она любит? Оказывается, за две недели знакомства он ничего не узнал о ней. Да какое две – больше. Может, не стоит затеваться вовсе?

Встретив Влада, по привычке отправился с другом в бар. Влад рассказывал о последних новостях, нес какую-то чушь. Борис слушал вполуха. На замечание: «Да ты совсем не слушаешь» отмахнулся.

– И кто она?

Борис потрянул головой.

– Помнишь ту девчонку летом?

– Да.

– Я познакомился с ней ближе. У нее два брата, кроме отца попа.

– И?

– Тебе мало?

– В чем суть? Родители у нее есть, вроде опекунство оформить не получится.

– Вообще-то, она не маленькая девочка.

– Уже?

Борис поморщился.

– Ей двадцать.

Влад присвистнул. В недоумении посмотрел на друга:

– Она та, что нужна тебе?

– Не знаю.

– Ну-ну.

Влад ушел, а Борис все еще сидел за столиком. Возможно, он на месте друга тоже не понял бы себя. Да, они совсем разные. Но почему она не скажет... Но ведь он общается не столько с ней, сколько с братьями, отцом... А так... Когда сидят за столом – и то не рядом и не напротив. Ситуация похлеще Колькиной. А она тоже хороша: нет бы подтолкнуть. Обычно девушки так и делают. Проблема в том, что она необычная. Это единичный экземпляр женского типа. Борис попробовал представить себе различные виды продолжения их отношений – ничего не получилось.

На полигон он вернулся злой на себя, решив, что больше не пойдет к поповичам (так в ярости окрестил их дом). Один вечер и впрямь просидел в кабинете за картами. На второй ноги сами понесли сначала на улицу – Новый год ведь – салют пора или почти пора давать. В десять вечера сел в машину – запрещено что ли проехаться перед сном?

На стук вышла Мария. Борис растерялся.

– Здравствуйте, – сказала она, – с праздником.

– Да. С праздником. Не помешал? Вроде, это семейный праздник?

Мария вышла на крыльцо, плотно закрыв за собой дверь.

– Да. Праздник семейный, но мы не любим его с некоторых пор, – она поежилась от холода. – Идемте в церковь, если вы не против.

Борис был против, но молча пошел за девушкой. Шаги гулко отдавали в тишине.

– Присаживайтесь.

Мария зажгла несколько свечей.

– Тебя не будут ждать дома?

– Нет. Все легли. Я же сказала – мы не отмечаем Новый год. Я вас ждала.

– Почему?

К чему относился вопрос, трудно определить. Мария рассудила по-своему.

– Под Новый год три года назад погибли мои братья – Петр

и Павел.

– В Чечне?

– Да. На войне. Они близнецы... Мы любили Новый год. Теперь стараемся делать вид, что... Это очень трудно.

– Еще бы... Как Колька? – Борис был рад заговорить о чем угодно.

– Не могу сказать точно. Сердится. Это чувствуется по наморщенному лбу.

– На кого?

– Сначала на себя, затем на нее.

– А что, женщина не может как-то, ну не знаю, подтолкнуть мужчину?

Борис хмурился еще больше, Мария молчала. Она смотрела на опущенную голову мужчины.

– Я ведь чудная, – сказала она, не стыдясь этого слова.

– Да, – согласился Борис.

– Вам не будет стыдно за меня?

– А тебе?

– Во что вы верите?

– В тебя.

– Я ничто.

– Ты все.

Теперь замолчал Борис, не зная, что добавить – не мастер он на слова.

– Я была уверена, что ни один мужчина не посмотрит на меня как на женщину.

– Почему?

– Я дочь попа, в Бога верую, в церкви молюсь.

– Что в этом плохого?

– Ничего. Борис, можно я скажу о вас своим?

– Не совсем понял, о чем ты?

– Что вы ко мне с намерениями.

– С намерениями?

– Разве нет? Может, я не поняла?

– О каких намерениях идет речь?

Мария снова замолчала, сбитая с толку, опустила голову, как несколько минут тому назад он, и стала рассматривать руки.

– Я все хотел спросить, какое имя тебе больше нравится? –

Борис пытался выгнать тишину.

– Мое.

– Да, я понимаю, но тебя по-разному зовут: Мария, Маша, Машенька.

– Маша.

– Я так и думал.

Она все так же рассматривала руки, больше похожие на руки подростка, да и сама она мало чем от него отличалась.

– Что-то я совсем запутался, – собравшись с духом, выпалил Борис.

– Это хорошо, – улыбнулась Мария.

– Что хорошего в том, что человек не может разобраться в себе, своих чувствах, ощущениях, желаниях?

– Сомневаетесь – значит, живете, чего-то желаете от жизни. Сомневаетесь в себе – значит, есть в душе место для других.

– А без проповедей нельзя? – разозлился Борис.

– Простите.

– Дьявол! Тьфу, ей Богу! Ну, что ты, в самом деле... Маша, помоги мне. Я не знаю, с чего начать.

– Я тоже. Вы у меня первый, – в ее словах было столько искренности, что Борису стало не по себе.

– О, Господи!

Он опустил перед ней на колени, взял ее руки в свои и прижался к ним, как к чему-то священному. Положив на ее колени голову, Борис затих, словно ожидая отпущения грехов. Мария аккуратно освободила одну ладонь из его рук, пригладила непослушный хохолок у него на затылке.

– Я несдержанный.

– Это ничего.

– Ругаюсь.

– Большинство людей ругается.

– Пью.

В ответ она лишь снова пригладила хохолок.

– Гуляю.

– Все хорошо.

– Я так и не нашел для тебя подарка.

Мария улыбнулась.

– Глупенький.

– Да, нет, Маша, я не глупенький. Это ребенок может быть таковым, потому что он еще мал и неразумен. Я глупец...

– Не надо наговаривать на себя.

– Ты задала вопрос о намерениях.

– Я поспешила...

– Нет.

Борис поднял голову, посмотрел ей прямо в глаза.

– Нет, Маша. Спешка здесь не при чем. Я поговорю завтра с твоим отцом. Намерения у меня самые что ни на есть серьезные. Я буду... уж не знаю, каким мужем я стану для тебя, скорее всего, препаршивым. Ты такая неземная, ты чистая в своих помыслах. У тебя есть вера в человека, а я стану верить в тебя.

– В меня нет. В него – да.

– В него?

– Да. Во единого и непорочного...

– Не надо...

– Хорошо, я стану веровать и за тебя тоже.

Борис засмеялся.

– А что мне делать за тебя?

Мария пожала плечами.

– Ничего.

На следующий день, как и обещал, Борис разговаривал с отцом Марии. Дмитрий Александрович выслушал молодого человека спокойно, но с ответом не стал спешить. Борис за-

волновался – что-то не так.

– Борис, вы хороший человек... с непростым характером. Надо обладать большой силой, чтобы связать судьбу с дочерью попа. Я не стану вставать между вами, вы мне нравитесь. Вряд ли вы станете обижать Марию, она же беззащитна со своей открытой душой. Берегите ее. Однако я должен сказать вам. Не заставляйте Марию делать выбор между вами и ее верой и не подвергайте себя опасности, потому что в таком случае она пожертвует собой. Вы еще не до конца осознали, с кем предполагаете связать свою судьбу. Сейчас чувствуете потребность сердца, истосковавшейся души. Разум отсутствует совершенно. Сердце не обманывает в подобных делах. Однако мы живем в мире, где царит именно разум, а не сердце. Вы военный, разумеется, службу бросать не собираетесь – значит, можете отправиться на войну, где станете убивать, или, быть может, уже убивали. Мария не принимает таковой стороны жизни.

Пройдут годы, много лет, но она не изменится, не привыкнет к мысли о необходимости водворения зла во имя справедливости. Она останется верна своей вере, потому что очарована ей. Знаете, и в детстве, и сейчас она входит в церковь, как в дом Божий. Во время службы она разговаривает с НИМ – не с людьми. Сможете ли вы принять такую Марию? Думаю, не стоит спешить. Вам надо хорошо обдумать свое решение, постараться понять Марию, привыкнуть, в конце концов, к ее необычности.

– Ей тоже нужно время? – спросил Борис.

– Нет. Она приняла вас сразу и безоговорочно. Она делает все, о чем вы попросите, просто скажете, прикажете, в какой бы форме это не прозвучало, все, кроме одного – не предаст веры.

Борис сжал виски – было от чего.

– Она полностью в вашей власти.

– Да мне не нужна эта власть. Я...

Борис замолчал: что сказать...

– Вам нужно время, чтобы научиться не пользоваться своим правом над ней.

– Да. – Борис качал головой – может уйти вся жизнь на это: характер у него не простой.

Борис испугался не на шутку. Если в твоей власти находится человек, полностью, безоговорочно, то это дает огромные возможности. Но он не хотел пользоваться никакими возможностями. Он хотел находиться с ней рядом, слышать ее голос, видеть ее. А как хотелось обнять, поцеловать... Не пользоваться своими желаниями – легко сказать!

Мария рассматривала себя в зеркало. В дверь комнаты легонько постучали – мама.

– Машенька! – она недоумевающе смотрела на полураздетую дочь.

– Прости, мама. – Мария поспешила одеться.

– Что-то случилось?

– Ничего худого.

– Почему ты грустишь? Борис обидел?

– Нет, что ты, мама. Он хороший, замечательный, правда.

Это я, вероятно, слишком плоха для него. – Мария подавила вздох и отвернулась к окну, чтобы мать не увидела навернувшихся слез.

– Машенька, с чего ты взяла...

– Мама, я уродина?

– Нет.

– Хотя зачем я спрашиваю. Ни одна мать не скажет своему дитя, что он урод.

Девушка села на стул, опустив плечи...

Когда Борис пришел вечером того же дня, ему открыла не Мария – матушка. Они поздоровались, и матушка пригласила его на кухню.

– Присаживайтесь.

Борис по виду встревоженной матери понял – что-то не так.

– Маша здорова?

Матушка кивнула головой.

– Борис, у вас есть родственники?

– Да. Мать и сестра.

– Хорошо. Вы с Машенькой все здесь да здесь. Может, съездите куда-нибудь – к друзьям или родственникам?

Матушка смотрела на мужчину, грустно улыбаясь.

– Машенька считает себя уродкой. Сегодня я застала ее перед зеркалом – она рассматривала себя и осталась недовольна.

Борис сжал кулаки, даже стукнул по столу пару раз.

– Скажите, а когда пост закончится? – зло спросил он, хмуря брови.

– Через четыре недели.

– Дьявол! – Он снова стукнул по столу.

Вошла Мария.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Он посмотрел на нее и остался недоволен собой: бледная, видно, плакала. Дьявол! Дьявол! Когда она села за стол, начал пристально ее рассматривать. Она смутилась еще больше, даже пошла красными пятнами.

– Дмитрий Александрович дома?

– Да, – в один голос ответили женщины.

Человек предполагает, а Бог располагает. Эту поговорку знает каждый. Она проговаривается человеком скорее по инерции, нежели по понятию всей глубины ее смысла. Он тоже предполагал, как станет жить со своей женой, сколько детей у них будет, как она будет ждать его, как он научит ее руководить собой. Ничему из предположений не суждено было воплотиться в жизнь. А ведь его предупреждали: не делать выбора между ним и ее верой и не подвергать себя

опасности. Вера. Она осталась с ней до конца. До самого последнего вздоха.

Смерть всегда неожиданна, даже если умирает тяжело-больной или старый человек. Она неожиданна, хотя человек, лукавя, говорит, что готов к ней, что думал о ней, предполагал ее приход. Ничего подобного. Где-то, наверное, имеется свиток, в котором указаны даты ее прихода ко всем людям. Хорошо, что мы не знаем этой даты. Плохо, что мы не знаем этой даты. Человек переходит в другой мир с мыслями о мире этом.

Теперь она была красавицей. Она всегда была красавицей. Борис все еще держал ее на руках, не чувствуя усталости, боли. Он находился вне времени и пространства. Какие-то люди сновали вокруг него, но он их не слышал. Кто-то попытался забрать ее у него – не отдал. Он все смотрел на нее – зачем она уснула посреди дня. У них столько дел – им еще ехать и ехать: дома ждет его мать и сестра. Наконец-то он познакомит их. Мать будет рада за непутевого сына. Он разглядывал ее лицо: спокойное, умиротворенное, радостное. Шапка съехала набок – небольшое пятнышко сбоку, как раз на виске. Надо его вытереть, разбудить ее, и они продолжат путь.

Черная пустота затягивала... Не различая дороги, не понимая, где он, в каком мире, что он сам такое, Борис не знал – жив он или нет. Сознание вернулось лишь тогда, когда уви-

дел перед собой черноту – слава всевышнему, пришла и за ним. Нет, ошибся. Он разочарованно осмотрел – всего лишь ряса, а не костлявая.

– Борис, нам надо поговорить.

Дмитрий Александрович прошелся по комнате, заложив руки за спину. На лице боль утраты, она теперь навсегда поселилась там. Ему предстояло самое трудное: попробовать убедить атеиста в правильности выбора Бога, хотя в последние несколько дней он и сам был на грани отвержения веры.

– Я в первый наш разговор был с тобой не совсем честен. Наверное, мне хотелось думать, что если утаю это от тебя, то смогу обмануть смерть, но ее обмануть нельзя.

Машенька наш последний ребенок и единственная дочь. Сказать, что мы ее очень любили – ничего не сказать. Как с женой мы хотели, чтобы у нее сложилась судьба, чтобы она была счастлива. Она и была таковой, потому что, во-первых, обладала верой, а во-вторых, смогла полюбить и ушла, не растеряв своих чувств.

Когда она родилась... У нас тогда жила одна слепая женщина. Деваться ей было некуда, вот и осталась при нас. Она никого не докучала – все больше молилась, иногда ночевала в церкви. Так вот, когда родилась Мария, она взяла ее на руки и сказала, что у девочки дар, что девочка будет разговаривать с Богом. Мы были рады. Что может быть плохого в том, что дитя станет верить... а перед смертью женщина еще сказала: Мария не доживет до двадцати лет, если не уйдет

в монастырь. Мы ничего не сказали дочери. Когда ей исполнилось двадцать – словно камень с души свалился. Это было в тот день, когда ты впервые встретился с ней. Женщина не ошиблась. Нам ничего не остается, как покориться...

– Покориться?! Покориться!!! Да вы сумасшедший. Как можно покориться смерти дочери! Как мог Бог допустить, чтобы она, настолько верящая в него, умерла!

– Она ушла к нему.

– К нему? К кому ему? БОГ! Его не существует! И если раньше у меня были некоторые сомнения, что возможно, на какую-то долю... он все-таки есть, то теперь... Я отрекаюсь от вашего Бога! Скорее я поверю в Дьявола!

Его глаза стали черными, словно смерть поселилась в них. Батюшка в ужасе отшатнулся от него – это не человек – ничего человеческого сейчас в его облике не было.

– Я ведь решил измениться... избавиться от пороков... глупец...

– Отказываясь от него, ты отказываешься от нее, потому что она верила в него безоговорочно.

– Она и в меня верила безоговорочно, но, вероятно, две безоговорочные веры не могут ужиться в одном человеке. Она выбрала его. Что ж, будь он во плоти, я мог бы попробовать одолеть его. А так... Мои шансы равны нулю. Замечательно. Я отпускаю и проклинаяю... Да! Проклинаю. Она заставила поверить меня в лучшего меня... Ха-ха... Я не был и никогда не буду хорошим...

И Борис стал Дьяволом...

Рихард не сомкнул глаз. Он смотрел на спящую жену. Тут жизнь другого не поймешь, свою и подавно. Как сказать Марине. Главное – стоит? Да, стоит – непременно. Знай Борис с самого начала все о Марии, возможно, поступил бы по-другому. Возможно, сделал бы еще больше ошибок. Теперь можно только предполагать. Где же истина? Миллионы людей во все времена ломали над этим голову. Философы создавали трактаты в прошлом и писали диссертации в настоящем.

Истина для Рихарда сейчас заключалась в том, стоит ли знать Марине всю правду о Борисе или нет? Если всю, то следует ли рассказать о том, что он один из двоих в ЭСВ, кто по собственному желанию перешел в другой мир с тем, чтобы прибегнуть к дару Ритуса, что Ритус вернул его, переправившегося на другой берег. Сможет ли нормальный человек адекватно отреагировать на подобное? Однозначного ответа Рихард не находил. Ася сможет понять, учитывая, сколько времени она блуждала в коридорах жизни и смерти? У нее и так психика расшатана. Сейчас бы чего-нибудь обычного, земного, простого и понятного, без заумствований...

Глава 3

Егора разбудил будильник. Маринка проснулась первой и

выключила его, когда муж, бормоча проклятия, понял, что на дворе утро, что надо вставать и отправляться на работу, будь она неладна. Тряхнув головой, оторвался от подушки, рывком сел на кровать.

– Егор! – громко прошептала жена. – Детей разбудишь.

– У! – он промычал что-то нечленораздельное и поднялся.

Под душем проснулся окончательно. Быстро глотая завтрак, думал, как успеть сделать все, что задумал. Он уже вторую неделю работал на двух работах. Он бы и на третью пошел, да пока не нашел подходящей, чтобы по времени не совпадали. Семья увеличилась, а доходов не прибавилось. Последние месяцы перед родами Марина провела в больнице. Те сбережения, что были отложены, растаяли, словно снег. А тут лекарства, витамины, питание, процедуры – одним словом, все оказалось намного дороже, чем он предполагал. Спасибо родителям, которые, несмотря на их с Маринкой протесты, взялись оплачивать коммунальные услуги. Егор не пытался жалеть себя. Скорее было обидно за жену и детей – они достойны лучшего. Он последнее время дома бывал редко, о том, чтобы помочь по хозяйству – нечего и думать. Приходил, и сил хватало только на то, чтобы умыться и поесть. Марина молчала, но похудела – чувствовал, когда ночью прижимал к себе – на большее сил не было. Сын тоже молчал, но чувствовалось – осуждает. Живут, словно бомжи. Теснятся в одной комнате вчетвером – стыдно, а ведь он уже не маленький. Что будет, когда сестра подрастет. И

сейчас от нее нет покоя – вечно орет. Днем уроки приходится на кухне делать, по ночам не спать. Зачем надо было заводить второго ребенка? У них в классе все по одному, зато ездят на приличных машинах, живут в нормальных квартирах. У них даже неприличной машины нет, а уж про то, чтобы пригласить друзей в гости – нечего думать.

Никита вспоминал дом тети – вот класс. Там можно развернуться. Он ковырялся в тарелке с пустыми макаронами – ох, и надоели они.

– Никит, в школу опоздаешь, – Марина напомнила во второй раз.

– Мама, что-то мне не хочется. Я в школе поем.

– Книжки все сложил?

– Все. Ты же вчера вечером спрашивала.

– Вдруг что-нибудь выложил?

– Да ничего я не выложил.

Никита недовольно придвинул стул к столу, вздохнул – опять вой. Он быстро застегнул куртку, поспешил с ботинками – скорее на улицу, лишь бы не слышать ее.

– Никита, – перехватила его Марина, – вот возьми. Вы же сегодня с мальчишками собирались в Баскин Роббинс.

Она протянула сыну сторублевку. Никита неуверенно покосился на деньги.

– Бери, – потребовала Марина.

– Спасибо, мама, сдачу я принесу.

– Не говори глупости, здесь и так мало.

Они веселой гурьбой шли по дороге, рассказывая анекдоты. До кафе оставалось рукой подать. Никита радовался больше других, хотя виду не показывал. Во-первых, сразу после школы не надо идти домой и слушать плач противной сестры, а, во-вторых, у него есть немного денег на нормальное мороженое. Он осматривался по сторонам, словно ища чего-то. Его взгляд упал на дворника с метлой. Слишком уж сердито он подметал, совсем, как его отец, когда чем-то не доволен. Никита присмотрелся – и куртка такая же. Дворник повернулся боком...

Марина услышала шаги в прихожей.

– Никита, ты чего так рано?

Она осмотрела сына – расстроен.

– Я передумал. Вот, – он протянул ей деньги – та же сто-рублевая бумажка.

– Никита, – вздохнула Марина.

– Все нормально, мам. Что я, мороженое не ел? Глупо тратить на него столько денег, когда можно за десять рублей купить. Мы в воскресенье пойдем и всем купим: и тебе, и папе, и мне.

– Ребенок ты ребенок.

– Я не ребенок.

Никита вымыл руки, поел, убрал за собой посуду. Мама опять укачивала в коляске писклю – кровать не помещалась в комнате: папа обещал что-нибудь придумать. Устав-

шая женщина откинулась на спинку дивана, одной рукой покачивала коляску. Как только малышка замолкала, она пыталась чуточку подремать. Когда сестренка в очередной раз завозилась, Никита качнул коляску. Рука матери упала на колени. Мальчик осторожно отодвинул коляску, все время покачивая ее, прикрыл маму пледом – пусть отдохнет.

Вернувшийся Егор увидел сына, качавшего коляску с сестрой. Молча посмотрел на Марину – спала сидя.

– Я сейчас, – сказал он шепотом, – только руки сполосну.

– Не спеши, иди ужинай, – сын внимательно рассматривал ручку коляски.

Марина завозилась на диване и проснулась.

– Надо же, уснула.

Она потянулась, увидела сына, мужа.

– Мальчики, все хорошо?

– Да, – в один голос ответили они.

Ночью Егор, несмотря на усталость, не сомкнул глаз. Так дальше продолжаться не может – надо найти выход. Легко сказать. С последней работы его попросили, вернее, выставили. Кому нужен охранник, качающий права, даже расчета не дали. А ведь думал, что возьмет кредит, придумает что-нибудь с жильем – ютиться вчетвером в хрущевской однушке не было возможности. Кто его дергал за язык? Ну, устроился он на стройку, даже дворником. Работы невпроворот – денег ноль. А если девчонки заболеют или Никита? Вон сегодня глаз не поднял на отца. Он что ли виноват в том, что

отец неудачник. Егор зарычал от злобы на себя. Хорошо, они не знают, чем он занимается.

– Егор, ты чего? – Марина проснулась от его рыка.

– Ничего, все в порядке. Спи. Устала ведь – спи.

Марина ближе придвинулась к мужу: еще чуть и запылает огнем. Положила голову ему на плечо.

– Егор, я тут подумала, может, нам в деревню переехать?

– С дуба рухнула? Из города в деревню? Чего ты там станешь делать? Водить на экскурсии бабок, а экскурсии устраивать на выгоне, где коров пасут?

– Я же все равно пока не работаю.

– Зато Никита в школу ходит.

– У вас тоже есть школа, и весьма приличная.

– Сравнила поселковую школу с лицеем.

– Егор, ты же закончил ее, и Ася – ничего не случилось, а я не навсегда – на время, пока Наталья маленькая.

– А я?

– Может, устроишься у отца? Он же предлагал. Ну что это за работа – охранник в казино. Когда-нибудь это плохо кончится, ей богу, Егор. Ты же порох. Набьешь еще кому-нибудь физиономию – а если суд? Нам тогда что делать? – Марина замолчала, вздохнула, набравшись с силами, продолжила, – Знаешь, я сегодня Никите деньги дала на Баскин Роббинс, а он не пошел... По-моему, он сердится на нас.

– Почему?

– Ревнует к Натальке.

– Мы же их одинаково любим.

– Вдруг ему кажется, что его меньше. Наталька маленькая – все внимание на нее.

– Да нет. Он же мужик – должен понимать. А Баскин Роббинс – всего лишь кафе.

– Не скажи. Он никогда не приглашает друзей к себе в гости...

Девочка закричала, завозилась и начала плакать. Марина дернулась к ней.

– Тихо, тихо, милая. Сейчас покормлю...

Егор с семьей приехал к своим на выходные. Действительно, необходимо решать, как жить дальше. Может, отец посоветует. Ему придется сказать, что с работы турнули. Матери ни слова – убьет. По приезде отправились к Аське. Та ужасно обрадовалась Марине с девочкой и племянником. Она схватила племянницу и начала носиться с ней по всему дому. Рихард пытался занять Никиту, но это оказалось не так просто – разговор не клеился из-за невозможности говорить взрослого.

– Дядя Рихард, можно вас попросить? – набравшись храбрости, спросил у него мальчик.

– Да, – Рихард с облегчением кивнул головой.

– Можно мне спуститься в подвал?

Рихард удивился такому вопросу. Его удивление изобразилось на лице.

– Дом ведь старинный, – неуверенно сказал мальчик.

Рихард догадался – привидения. Ну, конечно, что еще может интересовать мальчишку в подвале – не вино же (оно, скорее, заинтересовало бы его отца).

– Идем.

Марина сидела на диване, наслаждаясь тишиной и покоем. Наталька в надежных руках у свекрови и Аси – можно отдохнуть. Егор запнулся в дверях.

– Ты чего это так улыбаешься? – спросил он.

– Нельзя? Отдыхаю. – Марина блаженно потянулась. Кофточка выделила женские прелести.

– Не уверен, что тебе это удастся, – прохрипел Егор, поворачивая ключ в двери.

– Егор, ты рехнулся? – строго спросила жена.

– А что такого? – Егор на ходу сорвал с себя свитер. – Черт побери, я соскучился по тебе, чрезвычайно соскучился...

Елена Владимировна готовила обед. Асю она решила не трогать – пусть пообщается с племянницей – пойдет на пользу. Она резала салат. Где же Андрей – обещал приехать к пяти, а сейчас уже пять минут шестого. Опять мотается – ни минуты покоя. Вошла Марина.

– Помочь? – спросила она.

– Не мешало бы, если учесть, что муж куда-то пропал.

Свекровь не поднимая головы, пододвинула Марине мор-

ковь, сама шинковала лук.

– Пропади он пропадом.

Она вытирала слезы, выступившие на глазах. Ее взгляд упал на руки Марины.

– О, Господи, Марина! – Елена Владимировна забыла, что она делала перед этим.

– Что?

– Егор! – Елена Владимировна решительно направилась к двери. – Егор! Черт тебя дер!

– Ты чего шумишь, ма? Натальку разбудишь.

– Я тебе сейчас разбужу, ну-ка иди сюда, паршивец.

Егор вошел на кухню, не понимая, что стало причиной гнева матери.

– Чего, ма?

– Чего? Это я у тебя должна спросить, чего, сын? Иди сюда. Ближе!

Она взяла сына за ухо и притянула его голову к рукам Марины, на которых отчетливо виднелись пока красные пятна, завтра же, наверное, они посинеют.

– Что это такое?

– Ма, пусти, пожалуйста.

Мать отпустила ухо, но взгляд ее не предвещал ничего хорошего.

– У Маринки кожа нежная, – выдавил из себя Егор, поглядывая на покрасневшую жену.

– У женщин, вообще-то, у всех кожа нежная, к твоему

сведению, сынок.

– Марин, ну скажи ей, что я не бил тебя. Она ведь черт знает о чем думает сейчас, – взмолился Егор.

– Все в порядке, Елена Владимировна, – Марина снова принялась за морковку.

– В порядке? Все замечательно. Просто класс! – не унилась мать. – Ты что, прощаешь ему все его выходки? Марина?

– Мам, ты чего, с ума сошла? Я люблю ее. – Егор поблелел от слов матери.

– Привет всем. Что тут у вас? – на пороге стоял отец. – Егор, ты чего? Егор?

Нервный тик передернул щеку сына. Его усадили на стул, дали воды. Руки тряслись как в лихорадке. Он раскачивался из стороны в сторону, словно маятник.

– Все хорошо, Егор. – Марина гладила его по голове. – Я побуду с ним немного, ладно?

Родители вышли из комнаты.

– Лена, что тут у вас?

– Плохо, видно, у них. Оба измученные, вывернутые какие-то. Может, его с работы уволили? Андрюша, поговори с ним...

Никита оглядывался по сторонам – класс. Будет что рассказать в школе, только вряд ли кто поверит ему. Вот показать бы фотки.

– Дядя Рихард, а у вас есть фотоаппарат?

– Да.

– А сфоткаться здесь можно?

– Да.

– Супер.

Они обошли весь подвал, в котором имелось множество дверей. В каждой комнате было что-то свое. В одной хранилось вино – много бутылок, запыленных от времени. В другой на стене высечены какие-то слова. В третьей стоял стол, стул и больше ничего. В четвертой... В самой дальней не оказалось света. Там лежала старая мебель, вероятно, еще от прошлых хозяев.

– А почему здесь нет света?

– Не-зна-ю.

– Дядя Рихард, вы верите в приведения? – доверчиво спросил мальчик.

– Воз-мож-но.

– Правда?! – мальчик с восторгом смотрел на мужчину.

Отец бы высмеял – он нет. Они еще побродили по подвалу. Никита посидел за столом, потрогал пыльные бутылки, ухнул пару раз – больше стало стыдно – вдруг отзовется.

– А когда можно сфоткаться?

– Сей-час.

– А как же фотоаппарат?

– При-не-сем.

– Я здесь подожду, – совсем расхрабрился мальчик.

– Нет, – покачал головой Рихард.

– Ну, дядя Рихард.

Снова отрицательный ответ.

– Вме-сте схо-дим.

Ничего не оставалось делать, как согласиться, а то передумает. Никита нехотя поднимался по скрипучим ступенькам. На последней оперся о перила, которые тут же рухнули. Рихард вовремя протянул руку и удержал ребенка.

– Ух, Черт. Что это было?

– Оно, – серьезно ответил Рихард.

– Оно есть? – шепотом спросил Никита, в ужасе широко открыв глаза.

– Да, – просто ответил дядя.

Мурашки пробежали между лопатками – что было бы, останься он здесь один...

Рихард за ужином понял, что за время их с Никитой отсутствия что-то произошло. Егор выглядел бледным, все время хмурился. Марина не поднимала глаз от тарелки. Родители тоже, хоть и улыбались, казались расстроенными. Лишь Ася и Никита были в приподнятом настроении. Ася рассказывала о племяннице, для нее открытием являлось все, что делала девочка, начиная от пузырей, выпущенных через соску и заканчивая погремушкой, которую та запустила в тетю. Никита был воодушевлен ничуть не меньше Аси, но он не мог так явно проявлять свои чувства, зная, что отец

тут же оборвет его, да и мама вряд ли придет в восторг от известия о приведении, живущем в подвале Рихарда.

Было решено, что гости останутся на ночь. Ася не могла позволить Марине так быстро забрать кроху от себя. Мужчины предоставили женщинам план их размещения на ночлег и отправились в библиотеку. Никита хотел увязаться с ними, но бабушка строго посмотрела на него, и он остался – вечно эти женщины, он тоже большой. Они, наверное, будут пить вино из погреба, курить сигары, рассказывать что-нибудь интересное – ему бы не помешало послушать. Он со вздохом покорности поплелся за матерью и бабушкой.

Мужчины, действительно, расположились в библиотеке с бокалами вина. Егору хотелось не просто выпить – напиться, ведь тому была не одна, а сразу несколько причин. Отец, видя его напряжение, не знал, как подступиться с расспросами – видно, правда, вышибли. Черт, как все не вовремя.

– Рихард, я гляжу, Ася отошла, – обратился он к зятю.

– Нем-но-го.

Андрей Владимирович кивнул головой в знак согласия.

– Ну, слава Богу. Здесь хороший воздух. Отойдет, сил наберется. Вы молодые – ребенок будет, глядишь, – не один.

– Хо-те-ло-сь-бы.

– Непременно будут, – улыбнулся Андрей Владимирович, но улыбка вышла кислая.

– Е-го-р, – Рихард посмотрел на человека, занятого свои-

ми мыслями.

– Да.

– У те-бя неп-ри-я-я-т-нос-ти?

– С чего ты взял? – Егор залпом выпил свою порцию спиртного.

Услышав его слова, Рихард понял, что прав – он причина сегодняшней натянутости.

– Что?

– Что что? – Егор упорно делал вид, что не понимает, о чем идет речь.

– Что случилось? – спокойно и четко проговорил Рихард.

– Ничего. Это вы вдруг решили, что у меня что-то случилось. Мать вообще выдумала, что я жену то ли бью, то ли насилую, уж не знаю, к какому выводу она пришла. Теперь, наверное, пытается Маринку или Никиту...

– Хочешь служить в ЭСВ?

– Не понял...

– Ты был на войне, умеешь воевать, имеешь характер, злой, упрямый, умный – подходишь по многим параметрам ЭСВ.

Рихард в упор рассматривал Егора, тот не смутился, взгляда не отвел. Андрей Владимирович в изумлении взглянул на зятя – говорил четко без заикания, фразы длинные, предлагал службу в ЭСВ.

– Не думаю, что ты испугаешься ЭСВ, несмотря на то, что вам наговорил Ритус. Он любит, порой, сгустить краски. На

самом деле там нормальные люди. У вас с Мариной будет дом, что тоже не маловажно.

– Я не офицер.

– И что? Пока будешь служить в армии, дальше как покажешь себя.

– В твоей?

– Не думаю, что это хорошо. Я бы посоветовал тебе брата Ритуса – Юли. Он тебе понравится, будь уверен.

– Почему ты так думаешь?

Рихард улыбнулся, но промолчал.

– По-со-ве-туй-ся с же-ной, – продолжил он после глотка вина.

– Хорошо, – в раздумье протянул Егор, – налей-ка мне еще, что-то в горле пересохло.

– Егор, не увлекайся, а то нам всем влетит по полной, – предупредил отец.

Егор вздохнул – не поспоришь: мать задаст еще ту трепку...

Часть 3

Иля

Она думала, что если не обращать внимания, то все беды пройдут стороной, они не заметят ее, а значит, и не причинят боли... Она так думала вчера – сегодня все изменилось. Жизнь снова заявила о себе: не обращать внимания на нее больше нельзя.

Господи, нет такой молитвы, которую она за свою жизнь не прочитала бы! Теперь куда? К кому? Сама она – ничто. Сама она трусиха... Снова к нему? А что еще? Жизнь, подлая! Зачем столько боли одному человеку? За что? Она грешнее многих? Чем прогневила Всевышнего?.. Нет ответа... Ее жизнь – ничто. Жалко того, кто рядом. Он не знает, не понимает. И объяснить нет возможности, да и сил. Не надо было принимать его сразу. Пожалела – расплачивайся. Но он ведь любит. Ей ли не знать, что такое любовь, когда ради него одного готова на все...

Иля не спала всю ночь, прикидывала, рассчитывала, есть ли выход из положения. К утру поняла, что отговорить Игоря не получится, родители на его стороне. Исход один – Ригус. Она встала раньше обычного. На замечание Людмилы

Алексеевны, куда она собралась в воскресенье, ответила, что надо съездить в райцентр, зачем, впрочем, уточнять не стала. Благо Игоря нет дома, хотя бы ему не врать, терпеть она этого не могла.

Они договорились встретиться около магазина «Руслан» – Ритус, наверное, найдет его без труда. Иля сидела на лавочке, ожидая мужа. Он приехал, как договаривались, к одиннадцати. Она не сразу поняла, что машина на обочине ожидает ее – ему пришлось дважды посигналить. Иля, вздрогнув, встала со скамейки, Ритус изнутри открыл дверцу.

– Привет.

– Здравствуй, – Иля усаживалась на сидение.

– Зачем конспирация? – спросил он, отъезжая.

– Не хочу, чтобы меня видели с мужчиной.

– Он ревнивый?

– Кто?

– Тот, из-за кого ты не хочешь, чтобы тебя видели с мужчиной?

– Нет. Не знаю. У него не было повода. Просто, он молодой, все воспринимает в розовом свете.

– Куда поедем?

– Не знаю. Куда-нибудь, где нас никто не увидит.

– Хорошо.

Пока они ехали, Иля изучала картинки, мелькающие как в калейдоскопе, за стеклом машины. На него смотреть боялась. Он не стал тревожить женщину. Когда вчера вече-

ром прозвучал телефонный звонок, которого не должно было раздаться в этой жизни, Ритус понял, случилась беда – ничто другое не вынудит позвонить с того света. Он предложил встретиться сразу же, но она настаивала на следующий день – согласился.

Ритус съехал в рощицу (приметил ее по дороге сюда), заглушил мотор – здесь никто не помешает.

– Здравствуй, – он повернулся к жене.

Иля наклонила голову, приветствуя его.

– Может, все-таки посмотришь на меня?

Она улыбнулась и повернулась... Несколько минут двое рассматривали друг друга. Когда-то, в прошлой жизни, они были вместе.

– Ты изменился.

– Да нет.

– Изменился. Глаза другие, – она смеялась сквозь слезы.

Он привлек ее к себе. Говорить не хотелось, что и она тоже изменилась – морщинки около глаз пролегли то ли от тоски, то ли от беды, но никак не от счастья. Каким оно может быть? Глиняным? Воздушным?

– Все хорошо. Не надо плакать. Ты же у меня сильная.

Она затрясла головой на его плече, шмыгнула носом. Ритус дал время женщине прийти в себя, успокаивая своим присутствием, обнял за плечи, прижал к себе. Время от времени поглаживал по спине, наконец, почувствовав, что шквал эмоций спал, сказал:

– Я знаю, сильная. Давай сначала рассказывай ты, а потом я...

– Ох, – Иля вздохнула, отрываясь от его плеча.

Она вытащила носовой платок, вытерла глаза, поправила шарф – утром было прохладно.

– Его зовут Игорь. Он, действительно, моложе меня. Я учила его. Сначала смеялась над ухаживаниями, а он всерьез. Хотела уехать, а он объявил, если не буду с ним, наложит на себя руки. Однажды ко мне пришла его мать, Людмила Алексеевна, сказала, что он чуть не бредит мной. Я согласилась. Вот и все. Живем у него дома. Он как мальчишка, готов на руках меня носить. В институте оформил свободное посещение, чтобы быть дома... Всего не перескажешь...

Месяц назад до нас докатился слух об ЭСВ. Игорь как услышал, что там большие деньги платят, загорелся, хочет идти служить. Я сначала в шутку, что нам деньги не нужны, а он свое: купим дом, заведем детей. Потом сказала, что как же мы будем не вместе: он готов потерпеть некоторое время (кто-то сказал, что достаточно несколько месяцев, а потом тебе дают квартиру в гарнизоне). Обратилась к родителям – они и слушать не хотят. Думаю, считают, может, отстанет от меня, найдет кого-нибудь. Одним словом, одержим мыслью об ЭСВ.

– Понятно. Давай паспортные данные и фотографию – не пройдет он в ЭСВ. Ну, а ты что думаешь делать?

– Не знаю. Мне кажется, я сделала ошибку, согласившись

с ним, но мне стало так жалко его: он ночами стоял под моими окнами, хотел повеситься...

– Всех-то ты жалеешь. Может, пора о себе подумать. Чего хочешь ты? – Ритус внимательно смотрел на женщину, не давая возможности уйти от ответа.

– Моя мечта из области фантастики, – Иля, смутившись, начала краснеть.

– А если тебе кажется? – заинтересовался Ритус.

– Нет, – Иля совсем сконфузилась, даже отвернулась.

– Ладно. У тебя еще что-то? – спросил Ритус между прочим.

– Нет, – она рассматривала вид за окном автомобиля.

Иля понимала, что разговор исчерпан, что пора возвращаться из сказки в реальность. Ритус занялся поисками музыки. Включил Дебюсси – все еще помнил ее пристрастия.

– Ты сказала о детях. Может, хочешь ребенка?

– Не от него.

Ритус включил «Лунную сонату». Помедлив, спросил:

– Мне рассматривать это как предложение?

Женщина по-прежнему смотрела в окно. Ритус скорее почувствовал, как по лицу Или расплывается румянец.

– Не вижу повода для смущения.

– Зато я вижу.

– Пустяки...

Солнце смеялось над ними, слепило их через стекло. Жен-

щина тоже смеялась. Ей было не просто приятно – она чувствовала себя счастливой. Наконец-то...

– Ты изменился, – она гладила его плечо, грудь.

– Просто я вырос. Я достался тебе не в лучшее для меня время – молокосос, не знающий, что делать с женщиной.

– Не наговаривай на себя. Ты добрый и нежный.

– Слышали бы тебя сейчас некоторые люди – не поверили, что такое обо мне можно сказать в здравом уме, – Ритус искренне рассмеялся и растрепал волосы женщины.

– Прекрати.

– Тебе идет. Правда. И вообще... Ты тоже несколько изменилась.

– Что ты имеешь в виду?

– Не скажу... – он привлек женщину к себе, чтобы поцеловать. – Спасибо тебе. Мне сейчас как никогда нужна опора. Похоже, ты моя соломинка, чтобы выбраться из омута и не сойти с ума.

– Что случилось? – Иля пыталась найти ответ в его глазах.

– Уже все хорошо. Правда, – он остановился на секунду, а потом с задором продолжил, – Да! Ты же ничего не знаешь о наших детях. Слушай, я буду рассказывать...

Иля вернулась с глазами, полными блеска и света. На вопрос Людмилы Алексеевны, и так не жалующей невестку (как ее называть – неизвестно), что это с ней, молодая женщина лишь улыбнулась: все хорошо. Еще бы. Она ведь ду-

мала, что их дочь, Светочка, их девочка, малышка... а она выросла и вышла замуж. Господи, если бы она только могла увидеть ее вживую, а не на фотографии. А Артур. Сереженька. Нет ей прощения как матери. Она знает: дети никогда не простят ее, не поймут. Она не оправдывает себя. Знала, от чего отказывалась. Не только от детей – от него. Но тогда он страдал бы – ведь он не любил ее, любил другую. Они бы мучили друг друга. Он своей нелюбовью, она любовью. И женщина приняла решение: пусть страдает один человек – она.

Когда Иля заявила, что хочет уйти, Ритус спросил, не боится ли она Бога – наложить на себя руки – грех. Убить он ее отказался, к тому же на руках умирающая дочь, зато в его силах было устроить ее исчезновение. Для всех она погибла. Ее похоронили. Она считала, что ее могила будет рядом с могилой дочери, а Света выжила. И Ритус с той, кого любил и любит... Пусть осудят и не простят. Пусть не попадет в Петровы врата. Но на Суде ей есть, что сказать в защиту: она соединила тех, кто, действительно, предназначен друг для друга. Бланки не разводились, никогда. Да и развод ничего не изменил бы – из ЭСВ не так просто уйти живым, а она жена Самого.

Иля, несмотря на понурую голову Игоря, радовалась жизни. Она не стала изображать расстройств по поводу того, что его не приняли в ЭСВ, даже не поинтересовалась, какую причину придумали, – какая разница. Он ходил целую неде-

лю как в воду опущенный, а она летать хотела – ее дочь жива и счастлива. Что может быть лучше?! Глупенький мальчик, как он не поймет, что для счастья нужны порой не деньги, а несколько слов.

Когда еще через две недели поняла, что с ней что-то не так, как обычно, она зашла от счастья. У нее будет ребенок! Теперь ей есть ради кого жить! Его-то она никому не отдаст, даже Ритусу! Надо, как бы трудно ни было, оторвать Игоря от себя. Не стоит дальше водить его по сказочному замку – он не реален.

На немые вопросы Людмилы Алексеевны она не реагировала. Когда Игоря не было дома, собиралась с мыслями, что ему сказать, главное – когда. Вещи собрать – минутное дело. Куда? Пока на старое место, а потом... У нее же есть счет, что оставил Ритус. Она им так и не воспользовалась – вот пришла пора: переедет куда-нибудь в тихое место. Вечером стало худо. Вдруг как-то сразу – она не подготовилась.

– Ильяна! Ильяночка! Что с тобой, любимая? Ты заболела? – Игорь носился, словно заводной. Да уйди ты, бестолковый.

– Может, Ильяна не заболела, а лишь нездорова?

– Мама, да что ты такое говоришь? Видишь, она зеленая.

– Да, такое случается иногда с женщинами, – язвительно заметила Людмила Алексеевна: рухнули ее планы на сына.

– Игорь, успокойся. – Иля нашла силы сесть. – Твоя мама права, со мной все в порядке. Просто я жду ребенка.

– Ильяночка! – Игорь подхватил ее на руки и закурил по комнате.

– Игорь! – завопила женщина.

Он, испугавшись, остановился. Иля подавила приступ тошноты: помоги, Господи.

– Как я счастлив, дорогая!

Иля замахала на него руками. Он поставил ее на ноги.

– Что, моя милая?

– Прекрати разыгрывать телячью радость, – разозлилась Иля, – ребенок не твой!

Она вышла из комнаты – успеть бы до умывальника.

Игорь все еще стоял, улыбаясь во весь рот. Людмила Алексеевна посмотрела на сына: и правда, теленок, взрослеть когда будет? Вероятно, он не расслышал последних слов женщины, или не хотел их понимать. Она правду сказала или выдумала – попробуй пойми. Людмила Алексеевна переглянулась с мужем, тот пожал плечами. Чего только не сделаешь ради единственного сына, а он пригрозил родителям, что, если они косо посмотрят на нее, уйдет от них навсегда. Утром, тем не менее, на свой страх и риск Людмила Алексеевна решила прояснить ситуацию. Когда они с Илей остались вдвоем, спросила:

– Ильяна, ты что-то вчера сказала...

– Относительно чего, Людмила Алексеевна? – как мать, Иля понимала, что она не лучшая кандидатура для единственного сына. – Да я жду ребенка, не от Игоря.

Людмила Алексеевна промолчала: нельзя рубить с плеча. Перед глазами всплыл вчерашний сын с улыбкой до ушей.

Иля больше не возвращалась к этой теме: не было возможности. Игорь твердил каждому встречному и поперечному, что у него будет ребенок. Пока Иля дошла до работы, все село было в курсе их ожидаемого прибавления. Ее поздравляли, качали головой: какой из Игоря отец – чокнутый и все. Людмила Алексеевна тоже принимала поздравления с намекающимся внуком или внучкой: ох, Игорек-Игорек.

Иля попробовала дома образумить Игоря: какое там. Он носился по дому, планируя, где будет детская – придется перестроить дом. Придумывал имена. На замечание Или, что они не расписаны и у ребенка будет ее фамилия, он опешил:

– Зачем ты хочешь убить меня?

Людмила Алексеевна вздрогнула от слов сына и умоляюще посмотрела на Илю: пожалуйста. Дальше он начал планировать, когда они смогут расписаться. Всего лишь через два месяца. Нет ли возможности сделать это быстрее? Надо закатить такую свадьбу!

– Игорь, я не собираюсь замуж, тем более за тебя.

– Почему? Я же люблю тебя, дорогая.

Он стоял на коленях. Да что же это такое, в самом деле! Иля резко поднялась и ушла в комнату, закрыв ее на замок.

– Мама, чем я обидел ее?

– В ее положении все раздражает, – ответила Людмила Алексеевна, думая про себя, как быть. Может, к бабке его

сводить – приворожила что ли. Если в прошлый раз она просила Ильяну побыть с ним какое-то время, то теперь понятно, что она не останется – ребенок не его, может, и к лучшему, да и сама женщина против...

Иля провела два урока. На большой перемене сидела в учительской. Раньше ей нравилось общаться с учениками на переменах. Теперь на нее смотрели как на женщину, ждущую ребенка от Игоря Маслюкова, перешептывались за спиной. Она могла возражать сколько угодно – никто не слушал. Игорь в первую очередь. Оставалось одно – уехать. Как забрать документы так, чтобы об этом не стало известно Игорю, учитывая, что Людмила Алексеевна – директор школы. О том, чтобы женщина стала ее союзницей нечего и думать: ради сына она готова терпеть и нелюбимую невестку, и неродного внука. Опять Ритус? Уехать так? Паспорт на руках, на работу как-нибудь устроится. А если в розыск попадет? Он сейчас в состоянии, когда на все способен. Иля закрыла глаза. Не хотела она никого не видеть, не слышать. Дверь открылась тихо.

– Ильяна! – в двери счастливое лицо Игоря. Даже на работу пришел. – Можно тебя, милая?

Иля посмотрела на довольного молодого человека. За столом заулыбались. Она, побледнев, поднялась – сегодня же уедет, куда глаза глядят.

– Что?

Она вышла в коридор. Но там тоже люди – дети рассматривали ее в упор.

– Я приготовил тебе подарок.

– Это не может подождать?

– Нет. Я думаю, ты будешь рада. Сейчас. Идем. Тут за углом стоит человек... – Игорь взял руку Иля и повел ее за собой. – Милая, смотри, кто приехал. Твой отец...

Иля отдернула руку, словно ее ударило током.

– Правда, класс?! Теперь, у нас будет настоящая свадьба! – не унимался Игорь.

Иля прижала руки к груди. Глаза на окаменелом лице уставились в одну точку.

– Здравствуй, дочка! Я вот решил поговорить с твоим мужем... – она явственно расслышала смех смерти.

– Слушаю!

Господи, ты все-таки существуешь!

Ритус уже подошел к ней и заслонил собой.

– Ты?!..

Лицо смерти исказилось гримасой страха, губы потеряли всякую окраску, а пустые глаза запали в пустоту, зияющую чернотой. Ритус отодвинул Игоря в сторону, встал наизготовку.

– Ты... ублюдок... собака... – шипел голос смерти.

Ритус не реагировал, лишь смотрел на шипящий рот, понимая по губам невысказанные слова.

– Как же ты с двумя женами одновременно управляешь-

ся? – издевался голос.

– Тебя настолько интересует мой член? – Ритуса невозможно вывести из себя.

В ответ лишь фырканье. Ритус приготовился. Нож, пущенный смертью, застыл в воздухе. Ритус держал его ладонью. Он сконцентрировался и на нем, и на его посланнике, и на женщине, стоящей за его спиной, поэтому понадобилось время, чтобы нож, зависший в воздухе, повернулся и вонзился в пол. В осязаемой тишине чувствовалась тяжесть воздуха. Смерть прошла мимо людей на выход. Ритус наблюдал за ней: нельзя вступать в схватку – люди могут пострадать. Он проводил взглядом неожиданного гостя, мысленно проследил за ним до самого выхода и лишь затем повернулся к женщине. Она, обмякнув, съехала по стене. Игорь хотел кинуться к ней, но вдруг увидел, как какой-то посторонний мужчина берет ее на руки и несет по направлению к учительской.

Ритус положил ее на диван – этого еще не хватало... Он стянул куртку, подложил под голову. Похоже на глубокий обморок. Ничего, сейчас отойдет. Он расстегнул ворот блузки, провел рукой над грудью и головой – надо убедиться, что все в порядке. Черт! Он резко разогнулся.

– Виктор Вениаминович, день как раз не добрый. Вы мне нужны... в гарнизон. Какая операция? Отмените. У меня беременная женщина с врожденным пороком сердца, четвертой группой крови и моими примочками... Хорошо...

– Тимур, разыщи Илькину кровь, у тебя должна она

остаться... и мою тоже...

– Костя, вертолет на меня с Андреем и Юрой...

– Арбет, мне нужна Светкина кровь, плазма – что угодно – быстро...

– Артур, нужна ваша с Сержем кровь. В гарнизон...

Ритус сунул телефон в карман, посмотрел на женщину – выхода не было. Он закатал рукав блузки, пощупал на всякий случай пульс: прощупывался все реже-реже. Надрез на руке получился небольшой и неглубокий. Мужчина сидел рядом и смотрел на кровь, медленно сочащуюся из раны. Чтобы не испачкать пол, снял полотенце с умывальника и подложил его под руку.

Присутствующие молча наблюдали за необычным мужчиной. Звонок разбудил их ото сна – надо успокоить детей. Что это было? Игорь находился в обмороке в соседнем кабинете. Мать пыталась привести его в чувство: вот все и разрешилось. Теперь понятно, от кого ребенок.

– Простите, – к Ритусу обратился мужчина, – там этот, как его, нож.

– Я помню. Пусть его никто не трогает.

Неизвестно, нет ли в нем сюрпризов. Пока он не мог оставить ее одну – разберется позже.

Вот тебе и очередной поворот в чьей-то жизни, а для него очередной крест...

Спустя месяц Иля приехала, чтобы забрать вещи и доку-

менты. Она не поехала сразу домой – с Игорем встречаться не хотелось. Людмила Алексеевна встретила ее с прохладцей – чувства несколько улеглись, и теперь от желания убить женщину осталась лишь тихая ненависть.

– Ничего не хочешь сказать? – не выдержала Людмила Алексеевна.

– Нет, – покачала головой Иля, – что бы я ни сказала, вы все равно воспримите это по-своему. Пустых слов говорить не хочется, и об Игоре не хочу слышать. Сам того не подозревая, он подверг опасности столько людей, ведь Ритус мог не оказаться рядом... Прощайте. Я понимаю, забыть обо мне вряд ли удастся, но постарайтесь научиться жить заново. А сына... сына отправьте на войну – оттуда он либо вернется и начнет жить по-другому, либо... ведь он и так не с вами...

Часть 4

Магда

Глава 1

Выдержки из реферата Кондратьевой Екатерины, ученицы 11 класса.

«По документам 1782-го года в селе Кропотово Н...ского уезда Р...ской губернии было 15 дворов, а к 1862-му году тут уже насчитывалось 87 хозяйств с 659 жителями. Крестьяне кормились преимущественно земледелием и только несколько семей занимались ремеслами: выделывали кожи, шили сапоги и плотничали.

Кропотовы принадлежали к старейшему дворянскому роду России, взявшему свое начало от внука Владимира Мономаха – князя Ростислава-Михаила Мстиславовича.

Дмитрий Егорович успешно занимался хозяйственными делами Кропотовского имения, и оно считалось одним из лучших в губернии. Об этом сообщается в «Обзоре Н...ской губернии за 1866 год»: «Но, несмотря на значительные выгоды, предоставляемые земледелием, в большей части имений встречается прежний устарелый способ хозяйства, и

только некоторые, более зажиточные и просвещенные землевладельцы, решились ввести усовершенствованные орудия и новейшие приемы обработки земли. В этом отношении обращают на себя внимание именья Павлова и Снежкова в У...ском уезде и Князя Кропотова...». Еще большего расцвета Кропотовское имение достигло при сыне Дмитрия Егоровича – Леониде Дмитриевиче.

Леонид Дмитриевич Кропотов родился 19 августа 1848-го года. Учился в Царскосельском лицее, но судьбу свою связал с военной службой, начав ее унтер-офицером лейб-гвардии гусарского полка. Через девятнадцать лет князь был уже не только полковником, но и флигель-адъютантом самого императора-освободителя Александра Второго.¹

Леонид Дмитриевич принимал активное участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В то время он командовал 2-й бригадой болгарских ополченцев. В течение пяти месяцев бригада участвовала в обороне Шипкинского перевала. «Окруженные с трех сторон чуть не вплотную подошедшими к ним врагам, – писал офицер штаба дунайской армии Газенкамф, – русские безропотно вынесли все горные бури и метели, несмотря на недостаток теплой одежды и обуви, находясь по несколько суток на одних сухарях, не имея горячей пищи. Герои шипкинской обороны замерзали на своих постах, заносимые вьюгой, но не сдавались...». За оборону пе-

¹ Ведомости о церквах 1838 – 1896 гг. Государственный архив Липецкой области

ревала Леонид Дмитриевич Кропотов получил золотую саблю с надписью «За храбрость» и орден Св. Владимира четвертой степени с мечами и бантом.²

27-28 декабря 1877-го года произошло сражение при Шейново, где отличились генералы Скобелев и Святополк-Мирский, пленившие турецкую армию Вессель-паши. За мужество и доблесть, проявленные в шейновской операции, Леонид Дмитриевич был награжден орденом Станислава с мечами второй степени. После этого князь Кропотов руководил боем при местечке Чаатака, за что отмечен орденом Анны второй степени с мечами, Болгарской золотой медалью и болгарским военным орденом третьей степени. В ожесточенных боях Леонид Дмитриевич Кропотов получил ранения в бедро и локоть левой руки. Последняя рана оказалась настолько серьезной (изувеченная левая рука почти не сгибалась), что ему пришлось покинуть действующую армию.³

После излечения Леонид Дмитриевич занимал ряд видных постов на государственной службе. Он был предводителем дворянства У...ского уезда, астраханским губернатором и наказным атаманом астраханского казачьего войска, начальником Главного управления уделами. С 1899-го года и

² Клоков А.Ю. Лотаревское имение Вяземских. // Грязинские известия. №№ 43 – 44, 30 мая 2001-го года.

³ Ведомости о церквах 1838 – 1896 гг. Государственный архив Липецкой области.

по конец жизни генерал от кавалерии, князь Л.Д. Кропотов входил в состав членов Государственного Совета Российской империи. К орденам, полученным на ратном поприще, добавились награды за усердную государственную службу: орден Станислава 1-й степени, Анны 1-й степени и Владимира 2-й степени.⁴

Активная государственная служба не помешала Леониду Дмитриевичу заниматься хозяйственными делами своего имения, превращенного в настоящее чудо.

Белоснежный княжеский дом-дворец, построенный в псевдотюдоровском стиле, располагался на живописном берегу реки Байгоры. В доме хранились бесценные холсты известнейших мастеров кисти, переплетенные в кожу и сафьян старинные рукописи и редкие книги. Каждый желающий, мог заниматься в княжеской библиотеке научной и исследовательской работой.⁵

Усадьбу окружали большой фруктовый сад и прекрасный парк, разбитый в английском стиле. В парке имелось несколько широких аллей, выходивших на живописные поляны. Основные аллеи и посадки в парке были представлены деревьями остролистного клена, липы мелколистной и дуба чешиччатого. Помимо этого, здесь произрастали барбарис Тунберга, миндаль, груша иволлистная, клен красный, аза-

⁴ Липецкая Энциклопедия. Т. 1, Липецк, 1999.

⁵ Миловидов М.Е., Кусков А.А. Имение Лотарево князя Л.Д.Вяземского Тамбов. Губ. Усманского уезда. М., 1895.

лия, кизильник, игра канадская, снежнаягодник, пион древо-видный. На полянах парка и вблизи княжеского дома росло большое количество кустов редких сортов роз и несколько десятков видов сирени. В парке были выстроены оранжереи, где, наряду с различными диковинными цветами, выращивали редкие тропические растения.⁶

В Кропотовском парке имелись ажурные беседки для отдыха, декоративные переходные мостики, были установлены копии с античных скульптур. Гордостью хозяев имения являлись чудесные фонтаны и целый каскад небольших рукотворных прудов.

В собственности Кропотовых было более 3700 десятин земли. Эти земли располагались в районе Кропотово, сел Падворки, Коробовка, Дебри, сел Салтычки, Козелки, Никольское. Выражаясь современным языком, основными отраслями специализации хозяйства Кропотовых считались растениеводство и животноводство.⁷

В растениеводстве был введен многопольный севооборот, широко применялись органические удобрения, новейшие по тем временам орудия труда и технологии. В имении имелись жатвенные машины «Триумф» Джонстона, конные грабли, плуги Сака, конные молотилки и веялки, амбарные сорти-

⁶ Созонтова О.В., Долбилова Н.Н. Природа и экология Липецкой области. Липецк, 2006.

⁷ Карасик М. Вяземские и село Коробовка. // Липецкая неделя, № 2, 19 января 2005.

ровки. Ежегодно удобрялось 250-300 десятин пашни, на десятину клалось от 150 до 200 возов навоза.⁸

Леонид Дмитриевич Кропотов одним из первых в России понял пользу полевых защитных полос. В питомниках князя выращивались различные деревья и кустарники, которые высаживались затем несколькими ярусами вокруг полей. Благодаря защитным полосам, даже в засушливые годы урожаи зерновых в Кропотовском имении выходили отменными.

В имении насчитывалось 1700 голов дойных коров «швицской» породы (коровы были не только удойными, но и красивыми: все одинаковые, серые, с темной полосой по хребту и большими, как у лани, глазами), 2500 голов мериносовых овец породы Рамбулье, 500 голов йоркширских свиней, обширный птичий двор.

Лучшие экземпляры крупного рогатого скота и свиней из Кропотовского имения вывозились на сельскохозяйственные выставки в Борисоглебск, Курск, Саратов, Харьков, где всегда отмечались золотыми и серебряными медалями. Бычки «швицъ», поросята «хоркширы» и «беркширы», а также семена тимофеевки, люцерны, спарцетта, вики черной, свеклы красной, рапса продавались в Кропотовской экономике всем желающим.

В Кропотово находился один из самых знаменитых рысистых конных заводов России. В особой чести здесь были

⁸ Миловидов М.Е., Кусков А.А. Имение Лотарево князя Л.Д.Вяземского Тамбов. Губ. Усманского уезда. М., 1895.

два производителя – родоначальники многих прославившихся потомков: караковый американец Вильбурн М. и серый чистопородный жеребец Зенит собственного завода, выигравший в свое время русский «Дерби». Для хозяйственных целей разводились лошади-першероны, полукровки и ардены.

В усадьбе действовали собственная электростанция, почта, телеграф, ледник, молочная, житный сарай. Позади дома располагалась особая гордость Кропотовых: каменная конюшня с механизированными поилками, водокачкой и кормораздатчиками.

В семье Леонида Дмитриевича росли четверо детей: Борис, Дмитрий, Лидия и Владимир. С малых лет они приучались заниматься полезным делом: кто отвечал за курятник, кто за конезавод, кто за молочную ферму или оранжерею. В летние каникулы дети Вяземских помогали взрослым организовать отдых малообеспеченных учащихся московских школ, гостящих в Кропотово. Тщательный уход, усиленное питание и свежий деревенский воздух буквально преобразжали москвичей.

Помимо успехов на ратном поприще, в государственной службе и хозяйственных делах, Леонид Дмитриевич Кропотов отличался большой благотворительностью, свойственной многим выдающимся людям России того времени. Для этого он не жалел ни средств, ни времени.

В конце 70-х годов 19-го столетия на сходе крестьян Кропотово было решено строить новую каменную церковь. Все

расходы на ее возведение взял на себя Леонид Дмитриевич, поставив единственное условие: «пять лет не заводить в селе и окрест его кабаков». Строительство нового храма началось в 1879-м году, а завершилось – в 1883-м году.⁹

Храм возвели в неорусском стиле, по проекту известного архитектора Максимилиана Егоровича Месмахера. На его колокольне была сделана надпись «Живых зову, усопших поминаю, в огне гужу, в метель спасаю». Вот что писал о храме Яков Качанов: «Устройство храма весьма замечательно по своему фигурному плану, редко можно встретить по всей России – матушке такие красивые... Внутренность храма прекрасно устроена: все иконы написаны на цинке по золоченному чекану и отличаются великолепной живописью, темно-коричневый дубовый иконостас украшен изумительной резьбой, люстра красиво слита из меди весом 52 пуда и имеет на себе 64 свечи, каждая свеча вкладывается в особые футлярчики и с помощью пружины по мере горения поднимается... Не буду перечислять все принадлежности храма, что главное, облачение на престол, жертвенники и аналое, хоругви и плащаницы – все это вышито шелком по темному красному бархату собственноручно княгиней Кропотовой...».¹⁰

⁹ Клоков А.Ю. Лотаревское имение Вяземских. // Грязинские известия. №№ 43 – 44, 30 мая 2001-го года.

¹⁰ Письмо Якова Качанова из Коробовки. Декабрь 1901 года. Москва. Библиотека имени Ленина.

В крипте храма, освященного в честь Дмитрия Солунского, был фамильный склеп Кропотовых. В нем находилась прекрасная скульптурная работа профессора Королевской академии художеств в Риме Мазини – «Плач Богородицы». Эта скульптура, выполненная из белого мрамора в рост человека, в настоящее время хранится в Эрмитаже.¹¹

В письме Якова Качанова имеются следующие интересные сведения: «...При таком великолепном храме находится хор певчих из крестьян числом 25 человек. Князь Леонид Дмитриевич Кропотов платит жалованье регенту и всем певчим за спевки. Поют они просто изумительно, даже отлично... По распоряжению князя Кроптова старая церковь со всеми ее принадлежностями подарена бывшим нашим прихожанам в деревни Ольшанка и Никольское».¹²

При храме Дмитрия Солунского Кропотовыми была построена школа. По данным 1887-го года в ней обучалось 45 учеников.¹³ (Кстати, Дмитрий Леонидович возглавлял уездный учебный комитет, неоднократно вносил немалые пожертвования на народное образование, на обучение детей из бедных крестьянских семей).

В 1889 году на средства Кроптова построили больни-

¹¹ Ненахов Е.Н. Генерал, прогрессивный сельский хозяин, благотворитель. // Грязинские известия. 18 апреля 1993-го года.

¹² Письмо Якова Качанова из Коробовки. Декабрь 1901 года. Москва. Библиотека имени Ленина.

¹³ Сведения о школах г.Усмани и уезда и количестве учеников в них, 1887 г. Государственный архив Тамбовской области.

цу. Место для ее возведения выбрали наилучшее: на окраине села, рядом с большой липовой рощей. Больница строилась с большой заботой о простых людях – высокие потолки, широкие коридоры, просторные палаты, большие светлые окна, паркет, зеркала... «Лучшие больницы Петербурга служили для нее образцом», – вспоминала дочь Леонида Дмитриевича Лидия.¹⁴ Для жителей округа больница стала настоящим чудом.

Неподалеку от больницы находились конюшня и помещение для кучеров. В случае необходимости тройка резвых лошадей в любое время суток могла доставить врача к больному. Это была, в своем роде, первая служба «скорой помощи».

После окончания строительства, князь Кропотков предложил лечебницу для содержания У...скому земству. Побывав здесь, представители земства вынесли решение: содержание такой больницы обойдется слишком накладно для уезда. Да и разница с другими лечебными учреждениями края слишком разительна... Только в 1900 году вопрос о больнице был пересмотрен положительно и с 1903 года она начала функционировать как земская.

В летние месяцы в Кропотово (впрочем, как и по всей России) часто случались пожары. Для погорельцев Леонид Дмитриевич строил новые каменные избы. Крестьяне-погорельцы на своих подводах возили кирпич и другие стройма-

¹⁴ Липецкая Энциклопедия. Т. 1, Липецк, 1999.

териалы, а весь этот труд оплачивался из княжеской казны.

В 1909-м году Леонид Дмитриевич Кропотков умер в Лозанне (Швейцария), куда выезжал для лечения. Гроб с телом князя вначале привезли в Санкт-Петербург, а затем на Байгорский полустанок, откуда члены семьи и крестьяне в сильнейший мороз девять верст несли его в Кропотково на руках с непокрытыми головами...

После кончины Леонида Дмитриевича имение было унаследовано его старшим сыном – Борисом Леонидовичем Кропотковым. Борис Леонидович получил прекрасное образование. Он учился в 3-й гимназии Санкт-Петербурга, затем с золотой медалью окончил юридический факультет Петербургского университета. Службу, как и отец, начал в армии – в лейб-гвардии Конном полку. Однако военное поприще не прельстило Бориса Кропоткова, и он вышел в отставку. Вначале служил в Сенате, потом стал личным секретарем реформатора страны, председателя Совета министров России П.А. Столыпина. Петр Аркадьевич предсказывал своему помощнику большое будущее, но смерть отца прервала служебную карьеру Бориса Леонидовича, и он перебрался в Кропотково. Здесь он продолжил дело Леонида Дмитриевича и многое сделал для благоустройства кропотовских окрестностей.¹⁵

¹⁵ Клоков А.Ю. Лотаревское имение Вяземских. // Грязинские известия. №№ 43 – 44, 30 мая 2001-го года.

До сих пор достопримечательностью мест является мост через реку Байгору, построенный по указанию Бориса Леонидовича Кропотова неподалеку от села Княжася Байгора. Строил мост талантливый инженер – мостостроитель Иван Генрихович Грингоф. Мост состоял из трех пролетов по 15 метров и береговых консолей по 2,5 метра. Конструкция пролетного строения включает плиту проезжей части, главные продольные и поперечные балки и второстепенные продольные балки. Покрытие проезжей части моста – булыжная мостовая на песчаном основании. Стоимость моста в ценах 1911-го года составляла 20 тысяч рублей.

Борис Леонидович очень любил природу. Благодаря ему, богатая усадебная библиотека пополнилась уникальными книгами по ботанике и орнитологии. В имении князей Кропотовых был и свой собственный заповедник: 200 гектаров нераспаханной степи, располагавшейся в трех километрах к юго-востоку от станции Хворостянка. В Кропотовской степи сохранились растения и животные, характерные для некогда широких степных просторов Черноземья. Здесь произрастали кровохлебка, молочай, ковыль перистый, обитали дрофы, большие тушканчики, степные луни, множество насекомых. В свободное время Борис Леонидович Кропотков любил побродить по степи с биноклем, наблюдая за повадками представителей многочисленной фауны. Достаточно долгое время он следил за сезонными изменениями в живой и

неживой природе степи, фиксировал их, а затем создал календарь природы здешних мест.

Исследованиями природы в Кропотовской степи в 1913 – 1917 гг. занимались многие известные русские ученые, среди которых были В.В. Алехин, П.А. Смирнов и С.С. Левицкий. В 1917 году по просьбе Бориса Леонидовича знаменитый зоолог, ректор Московского университета М.А. Мензбир поднял вопрос о создании на базе Кропотовской степи государственного заповедника или заказника, но последующие затем две революции помешали этому.¹⁶

К трагическому 1917 году Борис Леонидович жил в Кропотово с женой Елизаветой Дмитриевной, урожденной графиней Шереметевой. В это время он служил уездным предводителем дворянства.

27 февраля 1917-го года в Петрограде произошла буржуазно-демократическая революция. Вспыхнули крупные беспорядки, последствия которых задели и род Кропотовых. Крестьяне села начали регулярно совершать потравы на полях, вырубали деревья в лесном массиве, принадлежавшем князьям, уничтожили шесть с половиной десятин молодых посадок. Однако Борис Леонидович не терял присутствия духа. В рамках уезда он пытался наладить профессиональное проведение реформы землепользования (кстати, часть своих земель, находившихся в окрестностях различных сел и

¹⁶ Клоков А.Ю. Лотаревское имение Вяземских. // Грязинские известия. №№ 43 – 44, 30 мая 2001-го года.

деревень, князь безвозмездно передал крестьянам); благодаря своему ораторскому искусству сумел усмирить разбушевавшихся крестьян округи в конце апреля неспокойного 1917 года.

В конце лета 1917-го года, «вдохновляемые» эсеровскими агитаторами, крестьяне взбунтовались вновь. 23 августа жители четырех сел Княжебайгорской волости, разграбив винные погреба в Кропотово, решили забрать все запасы спирта и из больницы. На этот раз договориться добром с пятитысячной толпой, разогретой спиртным и науськиваемой пришлыми агитаторами, не удалось. Тогда князь приказал разобрать небольшой мостик через Байгору, желая отделить толпу от больницы.

Это еще больше взъярило бунтарей, которые, арестовав Бориса Леонидовича и Елизавету Дмитриевну, заперли их в местной школе – в двух маленьких комнатках учительницы, бывшей в отпуске. Наутро в Кропотово прибыли представители уездной власти и воинский отряд. «Общество» потребовало отправить Кропотова в действующую армию: в 21-ю стрелковую дивизию, «поскольку по своему возрасту он давно должен быть на фронте».¹⁷ Елизавету Дмитриевну отпустили домой, а Бориса Леонидовича, в сопровождении прапорщика Петрова, группы солдат и трех мужиков сдали начальнику охраны станции Дмитриенко. Здесь и произо-

¹⁷ Книга судеб. Дневник Б.Л. и Е.Д. Вяземских. /Архив Липецкого областного краеведческого музея.

шло зверское убийство князя, совершенное пьяными солдатами-дезертирами с проходивших эшелонов. Солдаты сбросили Бориса Леонидовича через перила на перрон, били его ногами, прикладами винтовок, а затем закололи штыками.

Эшелоны в тот же вечер ушли. Убийцы не были найдены, да их и никто не искал. Изуродованный труп мужа – с колотыми ранами, проникающими в самое сердце, – Елизавета Дмитриевна Кропотова сумела увезти в Москву, а потом в Петроград. Там, после зауспокойной литургии в Александрово-Невской лавре, Бориса Леонидовича похоронили в фамильном склепе Левашовых (материнская линия князя).

Убийство князя Бориса Леонидовича Кропотова было одним из первых в русской провинции в 1917 году. Годом позже Марина Цветаева в «Вольном проезде» отметит: «Знаменитая, по зверскости, расправа...».¹⁸

«Взбодренные» полной безнаказанностью, жители окрестных сел набросились на Кропотово. Сперва местные и пришлые мародеры раскрыли птичник. Затем выпустили и разделили между собой коров, свиней, овец, разорили славившийся на всю Россию конный завод. «Богатейшее, одно из культурнейших имений в России – Кропотовское имение кн. Кропотова разгромлено совершенно, – писала газета «Т...вский земельный вестник». – Стража, по распоряжению правительства охранявшая имение, ... толпой избита

¹⁸ Миловидов М.Е., Кусков А.А. Имение Лотарево князя Л.Д.Вяземского Тамбов. Губ. Усманского уезда. М., 1895

и разогнана. Разгромив имение Кропотово, толпа, подстрекаемая солдатами, приступила к разгрому соседних имений. В настоящее время толпа громит имение Вельяминовых...» (26). Через четыре месяца после смерти Бориса Леонидовича произошел вторичный разгром поместья. Все то, что было невозможно унести с собой, тут же разбивалось, раздиралось или сжигалось...

После октябрьского переворота центральные и местные власти Советской России считали, что строительству новой жизни «мешают» церкви и храмы. Как и по всей стране,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.